

АНДРЕЙ ШОППЕРТ

КОЛХОЗНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

К Н И Г А # 6

Андрей Готлибович Шопперт
Колхозное строительство 6
Серия «Колхозное
строительство», книга 6

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68940219
Колхозное строительство 6: Avtorskie-txt; 2022*

Аннотация

Вот только кресло новое поставишь, утвердишься в нём, а тут "бац" и опять в дорогу. Опять в четвёртый раз жизнь начинать с нуля. Кто-то специально двигает по шахматной доске? И ведь был как раз на том месте, где мог принести максимальную пользу.

А теперь что? Совершенно чуждый мир. И совсем другая ответственность. А ведь на старом месте столько недоделанных дел. И глава государства не друг.

Судьба опять забросила товарища Тишкова в чёрную дыру. Вот пусть попробует выпутаться. Книга будет про Казахстан. И не только. Про жизнь в 1968 году.

Содержание

Глава 1	5
Интерлюдия 1	5
Событие первое	9
Событие второе	12
Глава 2	16
Событие третье	16
Событие четвёртое	20
Интермеццо 1	24
Глава 3	31
Событие пятое	31
Событие шестое	35
Событие седьмое	39
Событие восьмое	42
Интермеццо 2	47
Глава 4	50
Событие девятое	50
Интермеццо 3	56
Событие десятое	61
Глава 5	68
Событие одиннадцатое	68
Интермеццо 4	73
Глава 6	79
Событие двенадцатое	79

Событие тринадцатое	86
Интермеццо 5	92
Глава 7	94
Событие четырнадцатое	94
Событие пятнадцатое	101
Интермеццо 6	105
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Андрей Готлибович

Шопперт

Колхозное строительство 6

Глава 1

Интерлюдия 1

Если вы сумели поймать таракана, то вам крупно повезло. Теперь вы можете, не ходя к семи гадалкам, определить своё будущее. Отпустите таракана.

Если он побежит прямо – у вас всё ещё впереди.

Если он побежит налево – вас ждёт волнующая встреча.

Если он побежит направо – займитесь службой, вас подсиживают.

Если он побежит обратно к вам – о, вы интересный человек.

Если он вообще не побежит – он сдох.

Таракана звали Ёж. Он уже несколько лет обитал в этой квартире. Недавно подслушал разговор хозяев – они уезжали, уезжали навсегда. Покидали эту квартиру. Увозили с со-

бой мебель – её начали разбирать. Складывали части в стопки, перекладывая газетами – поцарапать боялись. Ругались с другими людьми (не хозяевами), что не слишком аккуратно это делают.

Хозяйка жаловалась хозяину, что некуда класть книги – нужны коробки, а если их везти просто стопками, то они испачкаются. Тогда появились деревянные ящики – вот в них и стали убирать книги.

Потом хозяйка стала сетовать (опять слово, длинное) на то, что вся одежда в чемоданы не влезет – и появились ещё деревянные ящики.

Ёж задумался. А что делать ему? Переезжать с этими новыми-старыми хозяевами, или остаться в квартире и дожидаться следующих? К этим он привык, научился уживаться даже с котом Персиком. Кот днём почти всегда спал, и Ёж сменил образ жизни. Он теперь питался при свете – полно было времени. Девочки уходили в школу (вот опять слово), а хозяйка с маленьким мальчиком шла гулять. Персик дрых в самой дальней комнате на большущем мягком кресле. Ешь – не хочу.

Он помнил, как при разбрызгивании отравы ему пришлось перебираться к еврейке Аксинье. Голодно! И крошки невкусные – просто хлеб. Здесь же часто бывали крошки от печенья, а иногда даже от вафель. Особенно Ежу нравились лимонные вафли. Просто объедение.

Вот останется он, а приедут такие же казачки Элины – и

что, питаться только чёрными хлебными крошками? Ёж прогулялся ещё в одну квартиру. Там жил шахматист (вот вообще странное длинное слово!). У этого крошки были – только ни печенья, ни вафель.

Нет! Нужно бороться за своё светлое будущее. Под лежащий камень вода не течёт. Он же – камень ходячий. Зачем-то ведь дали шесть ног вместо двух.

Решено: он переедет с этими хозяевами. Они, кстати, нашли недавно клад, что был в кухне, в углу, под старым паркетом. Меняли паркет – и нашли. Самое интересное: своими руками меняли. Хозяин умел – оказалось, в молодости работал на стройке. Особой радости хозяева не высказали, решили, что это клад старого генерала-лётчика. Из Германии. Трофеи. Вот опять куча непонятных новых слов. Вроде клад ведь, должны радоваться? Богатыми стали! А раз не обрадовались, значит и до этого не бедствовали. Ёж бы их в своё время раскулачил, нэпманов недобитых. В своё время? Когда это? Нэпманы? Кто это? Ёж устал от длинных непонятных слов.

Перед самым переездом появился этот. Он был большой и рыжий. Так-то все тараканы рыжие, но он был совсем рыжий. И говорил на двух непонятных языках. Один был то ли польский, то ли чешский. Нет, всё же польский. Пшекал Бжег. Второй – точно английский, но и его Ёж тоже не знал.

Новенький решил разделаться с остальными тараканами, слугами и друзьями Ежа. Он был большим, умным и злым.

Только не на того напал! Ёж забрался в одну из коробок с книгами. Там полно переплётгов на казеиновом клею, и можно спокойно пережить переезд. И всё-таки этот гад польский выследил Ежа и полез в эту же коробку.

Эх, была не была! Ёж дождался, когда в кухню придут рабочие забирать коробки, и выскочил из своего укрытия. Новенький погнался за ним. Здоровенный. Ёж прошмыгнул между двух рабочих, специально показавшись им.

– Таракан! Смотри, таракан! – и попытался ногой раздавить его. Но поздно: Ёж успел проскочить за вторую коробку.

– Гляди, ещё один! Вот ведь огромный какой. Ногой, ногой его! Фу, раздавил. Ну и зверь! А рыжий-то. Теперь пятно на новом паркете останется.

Ну что, Збик Бжег, чья взяла? Русские прусских всегда бивали. Нужно пробраться назад в коробку с книгами, пока рабочие разглядывают рыжее пятно.

Событие первое

– А что это у вас все яблоки понадкусаны?

– Так это американские, сорт Apple...

Благообразный седой мужчина с зачёсанными назад волосами смотрел на Петра одним глазом. Второй был стеклянным. Это несколько отвлекало с непривычки: казалось, что человек тебя не слушает, а разглядывает что-то у тебя за спиной. Титов Виталий Николаевич – второй секретарь ЦК компартии Казахстана. Правая рука Кунаева. А вот две недели как уже и просто так себе рука. Кунаева нет. Виталий Николаевич временно замещал его – недолго. Пётра вот прислали. Это было против всех правил! Первым секретарём в республике должен быть коммунист титульной нации. В Казахской ССР, понятно, – казах.

Первым правило сломал Цвигун. Его отправили рулить Узбекской ССР. Рашидов и все его приспешники проворовались, и Брежнев был вынужден их разогнать. Верхний эшелон не посадили, а вот по второму Цвигун прошёлся мелким гребешком. Уже сотни человек арестованы и находятся под следствием, а некоторых так и вообще успели осудить и отправить в 13-ю колонию, в город Нижний Тагил. Теперь будут уральцами. Те, кто под следствием, в основном активно с ним сотрудничают и сдают остальные звенья коррупцион-

ных цепочек.

Ситуация с хлопком не только ведь в Узбекистане такая сложилась. Госплан сошёл с ума, всё время повышал планы по сбору сырца во всех южных республиках. Нет новых сортов, нет пестицидов в достаточном количестве, не хватает удобрений, нет севооборота, вся полностью пахотная земля на юге занята хлопчатником – как увеличивать урожай? А приписками. Вот и увеличивали. Скрепя сердце (больное) Леонид Ильич пошёл на компромисс: отправил Рашидова и его помощников подальше, и на их места были назначены КГБшники.

С Казахстаном так не сделали. Кунаев – друг Брежнева. Они вместе поднимали ЦЕЛИНУ. Кунаев – член Политбюро, хотя и очень редко бывал в Москве. Не любил её, своей столицей занимался, Алма-Атой. Городом, где растут три яблони. Давно, в прошлой жизни – да и в той-то давно! – купил Пётр в аэропорту Алма-Аты (проездом был) пару килограмм яблок сорта Апорт. То, что крупные, ладно – есть и другие яблоки вполне себе немаленькие. Сладкие – так на то и яблоки. Но запах! Это словами не описать. Надо самому понюхать. Купить, положить на подоконник с солнечной стороны квартиры и выйти из комнаты, закрыв за собой дверь. Подождать пару часиков... И зайти. Никакая химия на это не способна. Так пахнет только алма-атинский Апорт.

Почему только их и не выращивают? Почему не районируют по всей стране? На Украине, в Ставрополье, на Кубани

ведь почти такой же климат. Нужно это в блокнотик записать. Сейчас в предгорьях Заилийского Алатау, по данным местных счетоводов, растёт почти три миллиона деревьев. В Кремль возят, Брежневу и компании. Где, блин, Мичурин? Почему нельзя в стране не ранетку кислую сажать, а вот это чудо?..

Ладно. Сделал заметку – пора возвращаться к этому товарищу. Знал ведь о махинациях с хлопком, но за широкой спиной Кунаева думал отсидеться. И вот теперь спины нет. Как и головы. Пуля от СВД, разработанной Евгением Драгуновым, голову просто разорвала. Стреляли с очень близкого расстояния – метров двести. Кто? Да кто ж знает? Искают. Пётр тоже прикидывал. Может, США? А может, по указанию Шелепина? Он больше всех выиграл.

– Виталий Николаевич, расскажи-ка ты мне о столице. Обрисуй проблемы и перспективы.

Событие второе

– Мама, он опять накричал на меня! Я переезжаю жить к тебе.

– Нет, доченька, он должен заплатить за свои ошибки. Я переезжаю жить к вам.

Как в Казахстан попал? Самолётом.

Дали Тишкову Петру Мироновичу неделю на сборы. Всю неделю и носился, как угорелый. Вот что главное у советского человека? Светлое будущее? Так ведь не будет. Но не знают ещё. Строят. Ну, Гусинские себе построят – а остальные? Стоп! Стоп! Как там звучит олимпийский принцип? Главное – не победа, главное... Мы же все участвовали в строительстве коммунизма. Чего бухтим? Некоторые ведь построили. Главное – участие.

Ну так что главное у советского человека? Квартира – не твоя. Машина в 1968 году – ещё не средство передвижения. Две вещи. Сейчас смешно даже. Книги. Библиотека. Банально купленная в магазине? Не тут-то было! Каждая книга – целая история. Вот Стругацких добыл за три цены с рук, вот этого Дрюона – за червонец на Шувакише. Вот собрание Бажова – три тоненькие книжки. Эти разыграли в цехе – приложение к журналу «Огонёк», а нужно ведь ещё и сам дорогуший журнал купить. Совершенно дебильный. Разве что кроссворд есть, да и тот без «вики» не разгадать. А «ви-

ки»-то и нет. Облом.

Теперь пылятся. На даче, в гараже, на антресолях. Портятся от сырости. Вот выйдем на пенсию и будем читать! Вот дети вырастут и будут читать. А проклятый Стив Джобс и не менее проклятый Стив Возняк уже сидят, ссуки, в гараже и на коленках паяльником дешёвым собирают. Собирают смерть мечте. Собирают крах тысячам вложенных рублей. Собирают убийцу книг.

Руки бы вырвать. Или паяльник им засунуть...

Ну, не соберёт Возняк – соберёт другой. Прогресс! И всё же Пётр успел накопить. Теперь грузил в ящики. Ведь испачкаются! Промокнут. Дожди там, в Алма-Ате.

И ещё есть один фетиш у советского человека – МЕБЕЛЬ. Она дорогая, и её ещё пойдёшь купи. В старых фильмах показано замечательно, как московская элита перебирается летом на дачи. Грузовик, полный мебели, аж сыплется. Даже у элиты нет двух комплектов стульев. У Брежнева в Завидово – и то разномастная. Танки строим – не до этажерок.

У Петра к тому же – очень не из того времени, и сделана под размеры квартиры. Вписана. Но сколько ждать, пока сделают новую? Хватило одного раза. Потому – разобрать, очень аккуратно упаковать (сплошные зеркала и резьба тончайшая по дереву) и рычать на грузчиков. С контейнером Тишков решил не заморачиваться: организовал товарный вагон, а внутри – милиционера-отставника, но с оружием. Так, на всякий случай.

Ещё с машинами полный армагеддец. Их ведь четыре! Нахапал, придурок. И ведь ни на одной не катается. Есть служебная «Чайка» – и её вполне хватает. А «Мерин» («Крыло чайки») стоит на даче – хорошо ещё, там гараж. А «Чайка», что подарил Тарасов? В подземном гараже в высотке. А «Волга», что проиграли спорт-чиновники? Тоже в гараже, но министерском. А «Турья» с ламбо-дверями? В гараже на даче у Петра Оберина. Их теперь куда? Пока оставил как есть. Нужно сперва приехать, осмотреться, как живут в той Алма-Ате. Может, надо обратно в «Верный» переименовать? Да нет. «Три яблони» – правильное название.

Стоп! Опять. Ещё ведь один пунктик есть у советского человека. Совка. Ну, уж какими воспитали. Да правильными воспитали! Это «совки» запустили в космос Гагарина, а первый американец, что побывал в космосе, сделал это в 1981 году. Через двадцать лет. И хрен с ним, с КАМАЗом. Сами построим, но «лунная афера» в этой реальности у пиндосов не пройдёт. Уже обговорили с Шелепиным – и Кубрик сейчас то же самое снимает у нас. Пётр на это дело денег не пожалел. Космос – это рубеж, который нельзя сдавать. Буквально через пару месяцев у них намечен первый шаг «аферы». Посмотрим.

Так, про последний пунктик советского человека. Хрусталь. И Пётр не избежал: раз уж завод в Гусь-Хрустальном ему подчинили, то заполнил сервант эксклюзивным товаром. Такое и у чехов не купишь. Это массовая продукция

в СССР не получается, а шедевры – легко. Ну, теперь и с массовой будет получше. У чехов купить не получилось оборудование – упёрлись. Воспитывают в себе русофобию. Не впрок урок. Думать надо, как побороть эту черту у поляков и чехов – и не в оккупации ведь дело. Вот ушёл СССР оттуда в девяностом, что – лучше с этим стало? Да хуже! И хуже в разы. Надо думать.

Не удалось купить у чехов – без проблем приобрели у французов. И качественней, и дешевле. Всея и разницы, что пришлось Петру свои вкладывать – ну да благо есть что, в могилу с собой не заберёшь. «Челси» покупать пока не надо. Пусть будет линия по изготовлению фужеров разных.

И вишенка на торте. Как без них? В полиэтилен закрутили ковры. Не те, что в магазине – картины. Не одному Брежневу на оленей смотреть.

Брежнев в коме – искусственной. Боятся врачи выводить. Чазов гарантий не даёт – да и какие гарантии? Обширный инфаркт. Жив-то случайно остался. Если это жизнь.

Глава 2

Событие третье

Директор во время урока встречается в коридоре Вовочку:

– Ну, а теперь за что тебя выгнали из класса?

– Я – классовый враг.

Пётр шёл по переходам Кремля за полковником и даже не гадал – знал, что идут к Шелепину. В его кабинете и не был ни разу. Какие могут быть общие дела у «главного по тарелочкам» и министра сельского хозяйства? Ну, по тарелочкам – потому, что профсоюзы у Штелле всегда ассоциировались с банкетами. Они устраивали и башляли. Наполняли тарелки пюре с котлетами. А Шелепин – председатель ВЦСПС. Значит, главный по тарелочкам.

Что знал о «Железном Шурике»? От генеральского звания при назначении руководителем КГБ отказался. Скромн? Позёр? Работая в КГБ, занимался пересмотром дел врагов народа. Выпускали всех подряд. Теперешняя Украина – наполовину вина этого человека, это из-за него хлынули из лагерей десятки тысяч бандеровцев. Как сказал Хрущёв: «В КГБ нужен свежий человек, который был бы нетерпим к

любым злоупотреблениям со стороны чекистов». Повыгонял всех, кто работал при Берии и Абакумове. Серьёзно сократил штаты, хотел заняться ловлей шпионов чужих и отправкой за кордон своих. Хрущёвская оттепель. Хорошо, когда можно рассказывать анекдоты про Брежнева или Хрущёва и знать, что тебе ничего за это не будет. Хорошо? А повальная безответственность чиновников за порученное дело, неподсудность партократии – Тоже хорошо?

И вот с любым делом, порученным «Железному», так. Не знает меры. Хорошее начинание доводит до абсурда.

Вышедшие на свободу осуждённые по подложным обвинениям люди должны молиться на него. А ещё на него должны молиться работники ЦРУ. Всё для них. Велком!

В интернете муссировался рассказ о том, что ему отремонтировали квартиру, а он за это заплатил – а до него в руководстве партией так никто не делал, и начали на бедного честного Шурика косо поглядывать. Ах, он «совесть партии»! Были же в то время такие люди. Хрен на блюде!

Он, мать его, возглавлял Комитет партийно-государственного контроля, одновременно являясь заместителем председателя Совета Министров СССР. Он не терпеть косые взгляды должен был, а заставить платить всех. Ликвидировать все 200-е секции. Вместо этого пьяного дебошира, мужа-партийца, с женой, побитой тем, мирил. Нет, работа-то, конечно, нужная! Выхлопа только нет.

Незадолго до переброски сознания Штелле в Петра Тиш-

кова была в «Московском комсомольце» статья. Там про Шелепина было написано вот как: «...страшно возмущался тем, как плохо живёт народ. Целый месяц по его поручению мы готовили записку в Политбюро о том, что надо сделать уклон на производство товаров народного потребления, начать техническое перевооружение. Но безрезультатно». Вот – в этом весь он! Безрезультатно!

Ну, и главный минус. Он протащил в руководство страны кучу «комсомольцев». Они практически нигде не работали, они с самой юности были оторваны от народа и от настоящих людей. Они варились в своих ячейках, собраниях, съездах, конференциях. Они ничего не умели. Брежнев разогнал недавно. Теперь вернут.

Вот сейчас останутся один на один. И что? Попытаться ему глотку перегрызть? А кто сядет в кресло? Ну как очередной Хрущёв! Вообще хана стране.

– Подождите, – полковник подошёл к двери и постучал.

Выглянул майор. Оглядел оценивающе Петра и кивнул. Посторонился. Тишков зашёл в приёмную. Стандартная обстановка для Кремля: красно-кирпичная ковровая дорожка. Неудобные жёсткие стулья. Лакированный стол с кучей телефонов. Портрет Ленина. И вдоль стен – шкафы с папками.

Дверь в кабинет двойная. Шумоизоляция? Безопасность. Майор открыл одну и постучал во вторую.

– Александр Николаевич, тут Тишков Пётр Миронович.

– Пусть заходит, – дебилный разговор. Будто это Пётр у

него аудиенции домогается.

Зашёл.

Событие четвёртое

*Купил джинсы китайского производства.
Ширинка растёгивается на ходу самопроизвольно.
Теперь я знаю, почему их больше миллиарда.*

– Успешно ведь слетал? – Александр Николаевич руки не протянул. Вернее, протянул – но не здороваться, а приглашая на стул садиться.

– Спасибо.

– Чего спасибо? – мотнул головой.

Пятьдесят лет. Холёная голова. Даже благообразен. Губы немного тонковаты, и всё время чуть дёргаются – нервничает. Портит общее впечатление родинка справа у рта. Ага, вот в профиль благообразие пропадает. Череп неправильной формы. Как в фантастических фильмах – чуть вытянут назад и вверх. Может, и есть инопланетянин?

Нет – тем бы чувство стиля вживили в нейросеть, а этот оделся, как Бог (тьфу, ЦУМ) послал. Белая рубаша, серый неновый костюм, чуть мятый, и запонки с янтарём – не золотые даже. Большие, жёлто-коричневые. Ни под галстук, ни под костюм, ни даже под цвет глаз не подходят. Глаза-то серые. А носит. Гордится. Красивые.

– Александр Николаевич, как члену Политбюро докладываю. Сборная заняла первое место как по «золоту», так и

по общему количеству медалей. Футболисты и обе сборные по волейболу стали чемпионами. Для футбола – достижение, ведь на двух олимпиадах вообще не были. Ансамбль «Крылья Родины» дал два концерта на стадионе «Ацтека» по просьбе президента страны. Эти концерты помогли успокоить протесты молодёжи. За это был обласкан президентом Мексики Густаво Диас Ордасом и награждён Орденом Культурных заслуг.

– Ерничаете? Молодцы. Правда, молодцы. И тут бы наградить тебя надо. Брежнев бы обязательно так и сделал, – Шелепин нервно перебрал руками лежащие перед ним исписанные листки. Перевернул их, перехватив взгляд Петра.

– Ты ведь понимаешь, Пётр Миронович, что в Москве я тебя оставить не могу.

– Тесно вдвоём? – пропади оно всё.

– Смешно. Хотел отправить тебя послом в Танзанию. Как думаешь, почему – только «хотел»?

– Надо отвечать? Или это риторический вопрос?

– Сделай милость.

– Против Косыгин. Его в Свердловском зале не было. Против Гречко. Его тоже не было. Кто ещё? Ну, министров не считаем. А, конечно! Помпиду звонил, или сам де Голль?

– Умнейший человек. И всё у тебя всегда получается – обидно даже. Всё правильно – плюс Семичастный и Цинев с Цвигуном. Один Устинов слюной брызжет. Я его понимаю. Мне ты тоже не нравишься, не наш ты человек. И не в день-

гах дело. Ты всегда к цели не напрямую идёшь, а обойти преграды норовишь. Приспособленец. Карьерист.

– Карьерист? Отправьте меня назад в Краснотурьинск. Я ведь в Москву не рвался, – Пётр наклонился над столом, приблизившись к Шелепину, – Отправите?

– Нет, конечно. Чего это у нас члены Политбюро будут горкомами маленьких городков руководить! Ладно бы ещё Москвы.

– Члены Политбюро? Москвы? Так вроде вы, Александр Николаевич, только что сказали, что не оставите в Москве.

Теперь была очередь Шелепина юродствовать. Не стал. Взял из ящика стола красную корочку и положил перед собой. Потом толкнул Петру.

– Кунаева застрелили из снайперской винтовки в аэропорту Алма-Аты. Место освободилось. Два места – в Политбюро и в Казахстане. Туда партия вас и пошлёт, товарищ Тишков.

– Неожиданно. Кто застрелил?

– Ищем. Ничего не ясно. Винтовка наша. Как бывший председатель Комитета склоняюсь к версии, что Семичастный высказал. США.

– Знаете, Александр Николаевич, главную присказку сыщиков: «Ищи, кому выгодно»?

Шелепин улыбнулся одним уголком рта. Пренебрежительно махнул кистью.

– На меня намекаешь? Нет. Да и неизвестно, чего это Брежнев так отреагировал.

А и в самом-то деле. Чего вдруг? Э, нет! Тут Кунаев сбоку. У Брежнева и в реальной истории инфаркт был, в августе или в сентябре 1968 года. Считалось, что из-за событий в Чехословакии. Сейчас октябрь – и вот он, инфаркт. История. Не свернёшь её с пути. Но тогда довольно легко отделался – а тут решила она подкорректировать достижения Петра. Вариант.

– А в мире чего происходит?

– Затаились все. Голоса-то сначала растрезвонили, а теперь и они молчат. Звонят главы государств, здоровьем Леонида Ильича интересуются.

– Китай?

– А что Китай? Что-то знаешь? – насторожился.

Пётр мно-ого чего знал. Не специально – просто об этом все знают. Даманский. Вот уже через несколько месяцев. А потом – как раз на границе с Казахстаном. И ещё тысячи беженцев туда из Китая. Уже было, или ещё будет? Почти ведь война начнётся, и только срочный визит Косыгина в Пекин на обратном пути из Вьетнама её предотвратит. А во Вьетнаме он полетит хоронить Хо Ши Мина. Весной. Есть ещё несколько месяцев. И что сказать «Железному Шурику»? Звучит-то противно – «Шурик». Клоун из комедий Гайдая.

Интермеццо 1

*По просьбам пограничных собак установлено
ещё несколько пограничных столбов.*

На призывном пункте:

– Этого – в погранцы.

– Почему?

– У него голова на пенёк похожа.

Шелепин вздрогнул, когда Тишков произнёс: «Китай». Листки, что лежали перед ним, были докладной запиской трёх ведомств. Свою информацию дал КГБ, в основном пограничники, свою – МИД, и, кроме того, были данные министерства обороны. Шелепин работал над документом уже целый день. Там, на границе с Китаем, всё было плохо. Там дело шло к войне, а СССР, как всегда, перед любой войной, был не готов. И виной тому опять Хрущёв – он вдрызг поссорился с Мао, и он же практически свёл на нет возможности по защите границ. Огромная граница! Таджикистан, Киргизия, Казахстан, и потом РСФСР. Тысячи километров – и она толком не защищена. Более того, там и частей Советской армии почти нет. Всё в Европе.

И вот этот министр сельского хозяйства в лоб задаёт вопрос, о котором и знать-то не должен. Вообще странный человек. Словно с другой планеты, или будто у него волшебная

палочка есть.

Шелепин бросил взгляд на перевёрнутые листы. Там уже была не сама записка, а сделанный им от руки конспект. Самое важное: ситуация в пограничных с Китаем областях.

Ох, непростая она была – ситуация в этих областях. Начиная с 1955 года, китайское руководство стало уделять повышенное внимание тем районам страны, где влияние СССР было достаточно велико: Северная Маньчжурия, Внутренняя Монголия и Синьцзян. Эти области стали объектом массовой миграции населения ханьской национальности (собственно китайцы), почти сто тысяч демобилизованных солдат Народно-освободительной армии Китая (НОАК) расселились вдоль берегов Амура, Уссури и в Синьцзяне. И это не просто бывшие солдаты – это те, кто прошёл Корейскую войну. Политика ассимиляции привела к тому, что в 1958 году, после объявления Мао Цзэдуном «большого скачка», в Синьцзяне вспыхнуло антикитайское восстание мусульманских народов. Ответом стало проведение, по решению Центрального Комитета Компартии, языковой реформы (все языки, кроме китайского, были переведены с кириллицы на латинский алфавит) и закрытие советско-китайской границы, что ударило в первую очередь по кочевавшим на горных пастбищах СССР и КНР скотоводческим народностям. Эти действия, плюс неразумная национальная политика КПК, привели к тому, что весной 1962 года около шестидесяти двух тысяч казахов и уйгуров, вместе с частями 5-го Синьц-

зьянского армейского корпуса, перешли границу СССР и расселились в Казахстане. Это событие ещё больше осложнило советско-китайские отношения, и так уже не отличавшиеся особой теплотой.

Правительство КНР официально заявило о признании недействительными всех договоров с Российской империей, так как они были заключены в ущерб интересам Китая. Начавшаяся в 1965 года в Китае «культурная революция» окончательно похоронила надежды на нормализацию отношений с СССР. Пекин объявил войну «контрреволюционному местному национализму» и ещё более ужесточил политику китаизации населения Синьцзяна. В итоге только в 1966 году в Советский Союз уходят почти двести тысяч этнических казахов и уйгуров.

Конечно, переход людей в Казахстан можно считать положительным явлением. Там всегда можно найти тех, кто станет разведчиками или диверсантами на китайской территории – плюс это просто люди, для малонаселённого Казахстана. Минус – почти полный разрыв всех связей с недавно ещё дружественным народом.

Идеологические разногласия СССР и Китая дополнились проблемами с демаркацией совместной границы. Исполняя директивы Пекина, китайцы попытались явочным порядком исправить её в свою пользу. Первый пограничный конфликт произошёл летом 1960 года на западном участке советско-китайской границы, в районе перевала Буз-Ай-

гыр на территории Киргизии. Пока такие стычки проходили без оружия и ограничивались демонстративным нарушением китайцами «неправильной», по их мнению, границы.

Если в течение 1960 года было зафиксировано около сотни подобных происшествий, то в 1962 году их уже было пять тысяч. С 1964 по 1968 годы только на участке Тихоокеанского пограничного округа отмечено более шести тысяч демонстративных нарушений границы с участием десятков тысяч китайцев. СССР был вынужден значительно усилить пограничную охрану своих дальневосточных рубежей. 4 февраля 1967 года ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление «Об усилении охраны государственной границы с Китайской Народной Республикой». На Дальнем Востоке появился отдельный Забайкальский пограничный округ и сто двадцать шесть новых пограничных застав. На границе с Китаем стали строиться новые дороги, инженерные и сигнальные заграждения. Если до начала конфликта плотность пограничников на рубежах Китая составляла менее одного человека на километр границы, то к настоящему времени она возросла до четырёх. А толку? Даже сейчас, после усиления, пограничники не смогут защитить границу в случае начала крупномасштабного конфликта.

К настоящему времени власти Китая перебросили из глубины страны ещё двадцать две дивизии – общая численность китайских войск в приграничных с СССР районах достигла четырёхсот тысяч человек. В Маньчжурии создавалась се-

рѣзная военная инфраструктура: строились инженерные заграждения, подземные убежища, дороги и аэродромы. Сейчас северная группировка Народно-освободительной армии Китая (НОАК) насчитывала девять общевойсковых армий (сорок четыре дивизии, из них одиннадцать механизированных), более четырёх тысяч танков и десять тысяч орудий. Регулярные войска дополнялись местным народным ополчением численностью до тридцати пехотных дивизий. Итог – почти миллионная армия. Миллионная и очень агрессивная армия. Что творили китайские солдаты в Корее – Шелепин знал. Фашистские зверства на Великой Отечественной – это просто верх человечности по сравнению с тем, как резвились коммунисты Китая.

И вот этим силам противостояло всего два десятка мотострелковых дивизий Забайкальского и Дальневосточного округов, при этом последние 10 лет все эти части считались тыловыми, снабжение которых велось по «остаточному принципу». Все танковые части Забайкальского округа при Хрущеве были расформированы или выведены на запад, за Урал. Аналогичная судьба постигла и одну из двух танковых дивизий, остававшихся в Дальневосточном округе.

До Второй Мировой границы на Дальнем Востоке и Забайкалье прикрывали созданные ещё в 30-е годы многочисленные укрепрайоны, созданные на случай войны с Японией. После 1945 года эти укрепления были законсервированы, а при Хрущёве пришли в окончательное запустение.

Уже пару лет руководство СССР срочно восстанавливает укрепления и перебрасывает на Дальний Восток выведенные в резерв танки конца Второй мировой войны – против современной техники США они уже не годятся, их моторы изношены, участвовать в наступлении они не могут, но ещё способны отражать атаки многочисленной китайской пехоты.

В целом отстранённый от политических дел Шелепин знал и о том, что в Кремле началась настоящая тихая паника, когда по агентурным каналам передали сообщение, что китайское ядерное оружие тайно переброшено в Румынию. Сейчас главный румынский коммунист Чаушеску тоже фрондирует против Кремля, а Мао претендует на роль всемирного коммунистического лидера, настоящего борца за мировую революцию, альтернативного кремлёвским бюрократам-«ревизионистам».

Информация о китайской ядерной бомбе в Румынии не подтвердилась, но попортила Брежневу немало нервов – в Кремле даже некоторое время рассматривали возможность превентивного удара бомбардировочной авиацией по ядерным объектам Китая. Тогда же в Албании появилось химическое оружие китайского производства – Пекин пытался поддерживать имеющие вопросы к Москве социалистические режимы.

В 1967 году в СССР вспомнили начатый в 30-е годы во время военных конфликтов с Японией проект Байка-

ло-Амурской магистрали. Проложенная в глухой тайге на 300–400 километров севернее железнодорожная магистраль должна была стать дублёром Транссиба в глубоком и безопасном тылу. После смерти Сталина этот крайне дорогой и сложный проект был заморожен, и только конфликт с Китаем заставил вернуться к затратному и сложному строительству среди безлюдной тайги, в зоне вечной мерзлоты.

Всё это и обдумывал Александр Николаевич, когда ему позвонили и сообщили, что Тишков доставлен в Кремль. Что делать с ним – «комсомольцы», Косыгин и примкнувшие к ним силовики уже решили. Отправить вместо Кунаева в Казахстан и одновременно ввести в состав Политбюро, на освободившееся после смерти Кунаева место. На этом настоял Косыгин, и его активно поддержал Гречко. Пусть будет. Всё равно Политбюро нужно обновлять наполовину.

Глава 3

Событие пятое

Мама:

– Дети, не трогайте сгущёнку, это я на кризис запасла. Зелёный горошек не открывайте, это я тоже на кризис купила.

Дети:

– Да скорей бы он наступил уже, этот кризис – хоть поедим вволю!

А что можно рассказать про Китай? Как объяснить знание? Сослаться на данные, которыми поделился де Голль? Не побегут же проверять. А, была не была!

– Зимой и в самом начале весны китайцы готовят ряд провокаций на острове Даманский. Серьёзные провокации. Я, конечно, не военный, но посоветовал бы подтянуть туда хорошие войска, не новобранцев. Лучше из старослужащих собрать отдельный полк и за оставшееся время их усиленно готовить. И обязательно снайпера нужны – не один и не два, сотни. Ну, ладно – сотня. Самое главное – не бояться, как в 1941 году, спровоцировать конфликт. Они его сами провоцируют. Нужно ответить так, чтобы были десятки тысяч убитых с их стороны. Китай – это восток. Наши попытки урегу-

ликовать разногласия и не поддаваться на провокации они расценят как трусость и неуверенность в своих силах. Как слабость.

Они подымут вой в своих газетах и радио. Будут бегать по посольствам и жаловаться на злобных русских. Пусть. Запад только порадуетя конфликту между двумя социалистическими странами – тоже вой подымут и будут нам ноты слать. Всё это произойдёт в любом случае, так что не нужно этого бояться! Нужно подтянуть туда лучших кинооператоров и выдать им лучшую технику. Пусть снимают, не жалея плёнки – потом смонтируем факт агрессии Китая и отдадим западным телеканалам. Я же попробую через отделения движения «Русские идут» раскрутить антикитайскую шумиху в Америке и Франции.

И ещё: нужно запустить в Китай информацию, что американцы собираются нанести ядерный удар по их атомной промышленности. Правда это или нет – не имеет значения. Нужно выступить в ООН и на Совете Безопасности с заявлением, что Советский Союз осуждает готовящуюся США бомбардировку китайской атомной промышленности. Те будут отрицать – наплевать. Главное – первыми прокукарекать. Де Голль говорил, что именно такое заявление против нас собираются сделать сами Штаты. Нужно их опередить! Если есть какие-то другие сведения по враждебным действиям США против Китая – их тоже надо довести до сведения Мао. Пусть подумает, прежде чем с нами в войну ввязаться.

– И это всё тебе сказал де Голль? Есть какие-то документы? – Шелепин не верил – вон как глаза выпучил.

– Вы странный человек, Александр Николаевич! А ещё КГБ руководили. Да, президент Франции дал мне протокол совещания у Начальника Штабов США по ядерному удару по некоторым объектам КНР. Это хотите услышать? Во-первых, не даст, а во-вторых, и у самого нет, я полагаю. Разведданные. Зато у него есть желание насолить пиндосам, и желательнее – чужими руками. Вот мой выбрал. Я же сказал: не имеет значения – есть подтверждения, нет подтверждений. Главное – пустить волну в прессе. А Мао доложат о крике в газетах, и он задумается. И ещё – попытаться бы с ним договориться, но не с позиции «давайте прекратим». Посчитают слабостью, и эффект будет обратный. Нужно найти общее дело.

– Он ведь потребует напасть вместе на США, – криво усмехнулся «комсомолец».

– Ну, есть ведь куча людей, куча министерств и комитетов – пусть это дело придумают! Вьетнам? Космос?

– Я подумаю, с людьми посоветуюсь. Ещё есть предсказания?

– Предсказания? Шутить изволите? Мне сказал президент, я довёл до вас. Остальное – наши с вами мысли вслух, – вот гад, купить хотел за три копейки. А ещё приличным человеком прикидывается. Запонки янтарные надел.

– Ну хорошо, ещё чем де Голль поделился? – опять задёр-

гал тонкими губами. Нервный товарищ – а вот без этих мелких деталей на вид полное спокойствие.

– Де Голль – ничем. Сейчас на меня работает английский режиссёр Стэнли Кубрик. К нему на днях обратились представители НАСА с предложением поработать на них.

Ветер перемен своей мощью переворачивает в стране всё вверх ногами, и последних дураков делает первыми умниками, а зло привычное – непривычным добром!

Событие шестое

Встречаются два бандеровца.

*– Я москалям за Крым на Красной площади
наложил!*

– А они что?

– Да я по-тихому, не снимая штанов!

Окружной суд штата Флорида признал полёт Гагарина в космос мистификацией русской киностудии. Как результат, первым человеком в космосе де-юре стал американец Джон Гленн. За это решение боролись американские блогеры, которые якобы собрали доказательства, что русские сняли полёт первого человека в космос на киноплёнку.

Вообще, Пётр Штелле, не вставал ни на одну из сторон в эпической битве «могликов» и «немогликов». Наблюдал в интернете за их выпадами и даже оскорблениями, за кучей доказательств с обеих сторон. Читаешь про отсутствие лунного грунта, который «потеряли» и думаешь – чего это наши, например, не потеряли корону Российской Империи? Ведь сопоставимые величины. Или плёнка не того формата, что кинокамеры у лунатиков. Много доказательств. Больше всего, конечно, поражает аттракцион невиданной щедрости, со всякими КАМАЗами и зерном. А потом читаешь доказательства «могликов». Самый убийственный – это тот, что в США тайну хранить не умеют. Она, эта правда, быстренько

вылазит. Да и в нашей РФ не лучше. А нет ничего кроме той первой книги – что, кстати, написал американец. А потом вот пятидесятилетняя эпическая битва.

Где правда? Но вот то, что прочёл перед гибелью в том мире про Гагарина... Это перебор. И даже если американцы куда-то и летали, то нужно объявить это фейком, ещё до того, как, может быть, полетят – или, может быть, сфальсифицируют.

Американский суд удовлетворил иск Вудро Бакински о признании астронавта Джона Гленна первым человеком в космосе. Судья признал убедительными доказательства в пользу этого решения. Примечательно, что в числе доказательств – мистификация и самой личности Юрия Гагарина. Американские блогеры считают, что его роль исполнил актёр театра Григорий Расторгуев, а сам «полёт» проходил в павильоне Одесской киностудии.

Автор иска полагает, что ему удалось восстановить справедливость, и русские обязаны сознаться в обмане. «Реакции со стороны России на эти заявления и решение суда пока не последовало».

Самое интересное, что Джон Гленн доселе не считался даже первым американским астронавтом, – в своё время его опередили Алан Шепард и Вирджил Гриссом. Стало быть, теперь есть решения американского суда, что подскоки Шепарда и Гриссома не являются космическими полётами. Чужды дела твои...

А не скачал ли и сам Джон Гленн?

– Александр Николаевич, никто из Штатов не обращался в правительство по поводу их Лунной программы? – забегают глазки, перекрестятся ручки?

– Я не в курсе.

– Поспрашивайте. Всех.

– Чудишь!

– Дальнейший разговор без этого знания не имеет смысла.

– Собирай вещи. Недели тебе хватит? – Пётр кивнул.

– А кто будет министром сельского хозяйства?

– Опять чудишь. Ты – член Политбюро, ответственный за аграрный сектор. Сам и назначишь. Есть кандидаты?

– Мерц Фердинанд Яковлевич.

– Немец?

– Немец. Политзаключённый. Самая подходящая кандидатура. Немцы не нравятся? Их почти два миллиона в стране.

– Нет. Фердинанд Яковлевич, так Фердинанд Яковлевич. Тебе видней.

– Гагарина и Будённого не трогайте. Люди на своих местах.

– Ну, на Гагарина были виды – но, может, и обойдутся. Хотели Первым секретарём ЦК ВЛКСМ.

– Обойдутся.

– Хм. Да и ладно. Тебе работать.

– Самолёт себе куплю. «Боинг».

– Чего не наш?

– Шумит сильно, и воняет в нём. Разберём, посмотрим, почему. Наверное, проблема с кондиционерами. Не выбрасывать ведь потом. В Москву, я понимаю, постоянно дёргать будете.

– Говорили мне, что ты миллионер. Всё у вас, богачеев, просто: захотел «Боинг» и купил. Не нравишься ты мне, Пётр Миронович.

– Даже не буду перечислять ваши минусы. Не останавливайте работу по перепроверке дел бывших бандеровцев и «лесных братьев». Только за то, что вы всех выпустили тогда, вас следовало бы расстрелять. Вы – один из главных врагов нашей страны.

– Вот как? – Шелепин сжал губы. Сморщился.

– Именно так. Они сейчас воспитывают молодёжь в ненависти к русским, к нашему государству. Поинтересуйтесь настроением жителей Прибалтики, поознавайте, о чём балакают на Западной Украине. У Сталина и его команды безусловно были перегибы – но то, что вы врагов выпустили, это из перегибов перегиб. Это предательство. Исправьте.

– Не задерживаю больше вас, Пётр Миронович.

– До свидания.

Событие седьмое

Поскольку нам с мужем не в чем было упрекнуть друг друга, дрались молча.

Собрать вещи. Собрать мысли. Собрать информацию. Собрать команду. Собрать силу воли в кулак.

В четвёртый раз за два года начинать жить с нуля. Какой-то перебор. Ау, ребята – ну, которые его душонку сюда запулили – может, хватит? Хотел ведь Краснотурьинск сделать лучшим городом Земли. Не дали! Хотя, будучи министром, одним, потом другим, для города сделал больше, чем впахивая в горкоме. Теперь, даже если Дерипаска и остановит алюминиевый завод, то других предприятий в избытке. Население города за два года удвоилось. И предприятия эти – не чадающие на весь Урал, а сборочные. Умные и опытные люди нужны. Евгеника, блин! У них ведь и детки умные рождаются. Сейчас в Краснотурьинск просят лучшие учителя страны. Бренд. В магазинах всё есть, а очередей нет. В каждом новом доме – первый этаж под магазин. И дома – не коробки, а дворцы. Кто оперный театр в Одессе видел, тот представляет.

Чтобы продавать такие дома, пришлось целую войну с архитектором области затевать. Компромисс нашли, объявили, что эксперимент – десять домов. За год с небольшим де-

снять и построили. Ну и старые дома, что успели возвести по типовым проектам, лепниной обвешали. Правильная ведь есть поговорка: как «запорожец» ни тюнингуй, он «мерсом» не станет. «Мерсом» – нет. Только ведь и «запорожцем» не останется.

Проблема с ансамблем «Крылья Родины». Его уже и собрать вместе непросто. Основная, конечно, часть – в Краснотурьинске, а вот Джанетта – в Москве с Высоцким. Тот пить бросил, опять к Любимову рванул – не может без сцены. Они, актёры, все такие. Термин есть – не помнил Пётр – должны выпитывать эмоции зала, купаться в аплодисментах, подпитываться энергией от любви зрителей. В общем, энергетические вампиры. Лишь бы снова пить не начал. Друзья, отмечание премьеры – и понеслось. Джанетта, понятно, бдит, но ведь Высоцкий. Харизма. Маша-Вика теперь в Алма-Ате будет. Осень, Толкуновой и Сенчиной учиться надо. Керту – тоже студентка. Кто в Москве, кто в Ленинграде.

Ну, пока и не до песен. Целая Республика. И ещё – названия не помнил, но кроме Даманского будут два серьёзных конфликта на казахско-китайской границе. Может, если карту внимательно поразглядывать, то и вспомнит.

А ещё помнил из молодости: в Алма-Ате проблема. Даже проблемница. Там молодёжные банды. Там массовые драки – и никто ничего сделать не может. И это не национализм. Как раз с этим в самой столице почти нет проблем. Там район дерётся на район, и в бандах – и русские, и чеченцы, и казахи.

Просто разбиты по территориальному принципу. Не помнил Пётр, как в той жизни справились с этой бедой.

А ему как справляться? Комендантский час объявлять? Так днём будут биться.

Событие восьмое

Пока передавал дела, всё же выкроил минутку и глянул на карту Казахстана. Искал те два участка, где будет второй и третий Даманский. Они менее известны, по той простой причине, что на острове впервые применили «Грады». Угробили там кучу китайцев. Ну, а раз оружие новое, то и слухов полно. Даже болтали, что весь остров сожгли, и его больше нет – вся земля выгорела, теперь там просто река. Вот про два других боевых инцидента на территории Казахстана говорили мало. Там обошлось без «Градов», но люди гибли. И всё из-за того, что был приказ, как и в 1941 году – на провокации не отвечать. Почему? Ведь это твоя граница. Ты должен противоположный приказ дать: «На провокации реагировать с максимальной жестокостью».

Пётр копался в карте, пока не выцепил оба названия. Во втором был чуть меньше уверен, но это сути не меняет – обоими решил заняться, пока в Москве. Пока точно уверен, что Гречко и Цинев заступились за него. Про Цинева удивился – родственник Брежнева, и совсем не друг Шелепина. Вывод напрашивался такой: с Брежневым всё очень плохо. Даже если и выживет, то государством рулить не сможет. Вот главный КГБшник и выбрал правильную сторону. Попытается ли «Железный Шурик» вернуть в КГБ Семичастного? Пётр бы так не сделал. Он бы поставил Семичастного рулить

Украиной. Тот сейчас уже полгода там – заместитель председателя Совета Министров. Пётр Ефимович Шелест, Первый Секретарь ЦК КПУ, достиг пенсионного возраста. Он – человек Брежнева, да даже не Брежнева, а Хрущёва – просто во время смещения последнего выбрал правильную сторону. И он даже похож на Хрущёва, как брат-близнец – лысый, и череп неправильной формы. Нет! Его Шелепин точно не оставит. Щербицкий, который должен стать следующим – тоже не вариант. Это Украина. Это сорок миллионов человек. Там нужен свой человек. Почему не Семичастный? И заодно эта должность позволит выбрать Владимира Ефимовича в члены Политбюро.

Но на этот счёт уж пусть у «Шурика» голова болит. Петру нужно теперь про войну думать. Итак, два «Даманских» на территории Казахстана. Первый – посёлок Дулаты. В этом Пётр был уверен. Второй – пограничный конфликт у озера Жаланашколь. Это участок Казахско-Китайской границы в районе Джунгарских ворот. В реальной истории отошёл всё же Китаю, как и ещё много чего.

Вот в этом названии чуть сомневался. Читал про него давно – как-то попалась информация в интернете, что Казахстан передал часть территории Китаю – и полез смотреть, вот на эти два конфликта и наткнулся. Запомнить слово «Жаланашколь» нереально. А вот про Джунгарские ворота, где это самое озеро Жаланашколь находится, уже проще.

С этой информацией и поплёлся к Циневу. Нет, не расска-

зывать – провентилировать вообще, что на границе творится, и потребовать себе кое-какие полномочия на такой вот случай.

Георгий Карпович встретил букой. Ещё один, кстати, близнец Хрущева – тоже лысый карапуз, только голова совсем как шарик, и уши очень большие. И глаза колкие и злые. Молча указал на стул у стола и протянул всё же руку для «здравствования».

– Товарищ генерал, я по поводу границы. Китай, – ну, слушаем.

– Китай... В Китае миллиард человек. Шапками не закидать.

– А поближе к Казахстану?

Цинев достал из шкафа за спиной папку, полистал, вздохнул. Закрыл, снова открыл. Опять вздохнул.

– Сложно всё. И нет ничего хорошего в создавшейся ситуации.

– Георгий Карпович, что с погранзаставами в Казахстане? – чего на публику играть? Да и где публика?

– Китайская Народная республика претендует сейчас с подачи Мао на почти полтора миллиона квадратных километров. Имеются 22 спорные, по их мнению, территории, из них на западе границы СССР и Китая – 16 участков. Китайцы требуют вернуть земли, входящие в состав не только среднеазиатских республик, но и Тувы, Монголии.

– Да и хрен бы с ней с Монголией. Нет, конечно, не хрен –

но, если честно, не до них сейчас. Что по Казахстану? – вот кучу всего сказал и тайн навывадал, а по делу – ни слова.

– Есть земли, что сейчас находятся в ведении Бахтинского Краснознаменного погранотряда Восточного пограничного округа. Есть и другие. Ты, Пётр Миронович, зачем пришёл? Возглавить КГБ Казахстана хочешь? Люди в курсе проблем. Занимаются. Если хочешь помочь пограничникам, то я не против. Наладь снабжение. Построй дома для офицеров. А защищать границу – наша задача.

Нда! Не получится по-хорошему. И ведь знает, что товарища Тишкова предлагают избрать в члены Политбюро. Не боится. А может, и его? Андропов ведь, кажется, был? Но нельзя же так уйти. Точно всё повторится через полгода.

– Георгий Карпович, давайте так и сделаем. Как приеду в Казахстан – займусь строительством жилья для пограничников. Подготовите хотелки? И снабжением тоже займусь. То же хотелось бы иметь данные.

– Так, значит? Хорошо, дам задание. Как обоснуетесь, командующий Краснознаменного Восточного пограничного округа генерал-лейтенант Меркулов Матвей Кузьмич к вам подойдёт. Устроит такой вариант? – ну, уже что-то. Это здесь в Москве все друг перед другом носы задирают, а в местах отдалённых жизнь попроще.

– Ну вот и хорошо. Одну из первых поездок совершу в Восточно-Казахстанскую область.

– Станный вы человек, Пётр Миронович. Некоторые ва-

ши поступки непонятны мне – однако всегда вы суετε свой нос туда, где плохо. Займусь и я этим округом. Настораживает ваше любопытство. Всего доброго.

Интермеццо 2

Нашла у мужа в телефоне контакт «Бесплатный секс». Ради любопытства позвонила... Когда зазвонил мой сотовый, чуть со стула не рухнула. Вот же паразит!..

Лия Тишкова прикусила губу, сильно, до крови, чтобы не расплакаться. Нельзя. Вон девочки пришли из школы и готовятся сесть за стол, «руки моют». На самом деле брызгаются в ванной. Непривычно даже: всегда рассудительная Маша в последнее время как бы на самом деле превращается в девочку. Даже куклу из Мексики привезла. Непростую, ручной работы. Монахиню.

И по-прежнему в школе задирает учителей. Шестьдесят лет человеку? Не похоже. Скорее всего, гормоны. Им ведь не скажешь, что тебе столько-то лет. Они сами разберутся.

– Выходите, котлеты остыли уже.

– Котлетки! С пюрешкой! И с подливой! Мама, ты золото! А почему раньше не делала? – Таня плюхнулась чуть не с разбега на стул.

– Не умела. Вот, Тамара Филипповна научила.

– Спасибо ей от нас скажите, – попробовала котлету и Маша.

Девочки, что-то обсуждая про готовящийся школьный концерт, принялись за еду, а Лия, чтобы не расплакаться,

вышла из кухни. Вот ведь сволочи! Что теперь делать? Сказать Петру? Сказать можно – что это изменит? Эти гады ведь предупредили, что при изменении поведения товарища Тишкоффа они могут озвученные угрозы без предупреждения воплотить, как он выразился, в «правду жизни». Сказать Пете – а он побежит в КГБ, те охрану выставят. А эти сволочи вон с того дома вдалеке из снайперской винтовки Юрочку убьют.

Мужчина подошёл, когда она уже собралась забирать Юру с карусели. Вместе с ним там вертелся примерно его ровесник, а девочка постарше раскручивала её. Лия изредка бросала туда взгляд, но девочка ситуацию контролировала. Пусть покружатся немного – вон как заливаются.

– Госпожа Тишкоффа? – серьёзный акцент был у женщины.

Одет в просторное, длинное коричневое пальто. В таких полно народу ходит. Шляпа на голове, очки большие роговые. Профессор такой.

– Да, – Лия глянула на карусель. Дети крутились, смеялись.

– У меня к фам просьба. Фот фам листок с номером телефона, фы позвоните по нему послезафтра и получите инструкции...

– Кто вы такой? Что вам надо? Да вы знаете, с кем разговариваете?

– Не кричите, госпожа Тишкоффа. Конечно, мы знаем. А

фы знаете, что сейчас на том доме – или на том, или фон на том – сидит снайпер, и если я подниму руку, то он выстрелит ф фашего сына?

– Да что вы...

– Госпожа Тишкоффа, не кричите. Вы послезафтра позвоните с телефона-афтомата – например, с того, – мужчина указал на телефонную будку, приставленную к стене у магазина. Туда стояла очередь из трёх человек. – И фам всё объяснят. Мое дело – предупредить фас, что, как писал фаш Пулгакофф, «фсе люди смертны, а некоторые – фнесапно смертны». Не фздумайте гофорить министеру Тишкоффу. А теперь мне пора, разрешите откланяться.

Мужчина развернулся и быстрым шагом пошёл прочь, дошёл до будки и, остановившись, указал рукой на крышу соседнего дома.

Сволочь! Что же теперь делать? Говорить Петру, или нет?

Глава 4

Событие девятое

Приезжает генерал на проверку, ходит с дневальным по казарме, ну ни до чего докопаться не может! И вдруг видит – окурок валяется:

– Чей бычок?!

Дневальный резво убегает и через 2 минуты прибегают:

– Товарищ генерал, сержант сказал, что ничей – можете докуривать!

Обнялись. Первый из власть предержащих, кто появлению Петра обрадовался. Даже достал потом платок и глаза промокнул.

– Досталось тебе? – маршал нажал на кнопку, и в его огромный красно-коричневый кабинет вошёл зелёный майор.

– Тимофей, нам коньячка молдавского с лимончиком и шоколадиком! И чтобы даже в приёмной – ни живой души. Дядьки секретничать будут.

Пётр хотел было отказаться – дел была куча, а если сейчас начать пить, то все остальные уже побоку. А потом махнул рукой: вот этот разговор, если всё получится, важнее десятка

других.

Гречко прошёлся до кресла, что стояло в углу, возле входа в отдельный кабинет с туалетом и кушеткой, и притопнул ботинками.

– Пётр, ты не против – ботинки сниму? Новые надел – а они жмут, гады. Тапки надену.

– Да хоть валенки.

– Валенки! Сапоги! Хошь, историю расскажу? Про сапоги. На фронте было дело. Как-то в армию, которой я командовал, приехала с концертом группа артистов. После обеда увязался я за одной из смуглявых девиц. Певица, русские и украинские песни пела. Она с мужем была, он на чём-то играл – уже не помню. И всё за обедом мне глазки строила. Взял я её под руку и повёл к озеру, а на берегу там штаб армии в каком-то панском имении располагался. Идём мы, значит, к берегу, а она ко мне прижимается, повисла на руке. Дошли, она туфельки сбросила и пошла босиком, ноги ополоснуть – новые, говорит, натёрли. Ну, я на травку сел и смотрю: зашла в воду и подол задирает. Эх, думаю, это судьба! И стал сапоги стаскивать. Один-то легко снял, а второй туго идёт – минуту целую мучился. И тут из кустов выбегает муж певички этой, а с ним – мой зам и член Военного Совета.

– Что тут происходит?! – кричит муж.

– Да вот – сапоги снимаю, а то ведь она сейчас нырять додумается, – говорю. Обломал музыкант всё, что наклёвывалось.

Тапки были не тапками, а как раз ну очень сильно обрешанными валенками.

Выпили за победу нашей сборной. Пётр рассказал про финальный матч по водному полу с югославами.

– Так вот и срывали с наших трусы? А судья? И переодевались, вылезая голыми из воды? Ну, братушки! Гнилые ребята эти сербы и прочие хорваты. И Тито их – гнилой. Всё чего-то выкруживает. Но порядок, говорят, в стране жёсткий навёл, а то сразу после войны там на национальной почве полно конфликтов было.

Пётр зажевал вторую рюмку приличным куском шоколада и решил, что пора переходить к делу, пока не развезло.

– Андрей Антонович, а какие воинские части стоят в Казахстане?

– Н-да. Ну, Казахстан лучше Танзании. Я против был. Опять сельское хозяйство без хозяина. Снова на балконах начнут кукурузу сеять и три годовых плана по мясу за месяц сдавать.

– Я нормального человека за себя оставил. Ты его поддерживай без меня. Мерц Фердинанд Яковлевич.

– Немец?

– Советский человек. Хваткий руководитель. Вон, с комбайнами и тракторами порядок навёл.

– Ну, тебе видней. Я так понимаю, что с тебя бы и в Танзании всё одно продолжали бы за сельское хозяйство спрашивать, – маршал налил ещё по одной.

– Так что с войсками? Китай ведь рядом.

– Китай. Там Туркестанский военный округ. Вот в этом году наградили его, стал он теперь Краснознамённым. В Ташкенте штаб.

– А в Алма-Ате?

– Сейчас секрет скажу, – Гречко выпил коньяк, занюхал рукавом и стал, морщась, жевать лимон.

Пётр повторил. И рукав тоже. Хотя коньяк был и неплох – разве чуть жестковат.

– Наиболее сильная группировка войск сейчас дислоцируется в Туркмении. 1-й армейский корпус, штаб у них в Ашхабаде – это одна танковая и одна мотострелковая дивизии. Кроме того, в Кушке стоит 5-я гвардейская мотострелковая дивизия. Так вот. Мы тут у себя в министерстве решили, что нужно и вправду войска поближе к китайской границе подвинуть. Сейчас мои умники проект приказа готовят, о воссоздании Среднеазиатского военного округа. Вот штаб планируют как раз в Алма-Ате. Округ будет захватывать часть территории Казахской, Киргизской и Таджикской ССР.

Кое-что передислоцируем из КТуркВО в САВО. Перебросим 78-ю танковую и 80-й гвардейскую учебную мотострелковую дивизии – эти обе под Алма-Ату.

Ну, и некоторые соединения переведём в САВО из западных военных округов: 68-ю и 155-ю мотострелковые дивизии. Эти части планируем в Восточно-Казахстанскую область, поближе к границе с Китаем. Ответил на твой вопрос?

Как Первый Секретарь, ты тоже приличный кусок этой работы получишь. Четыре дивизии ведь в чистое поле не выгонишь – городки строить надо. А вода? Снабжение? Полно вопросов.

– Андрей Антонович, а мог бы ты в Алма-Ате сформировать отдельную роту снайперов? Причём очень срочно.

– Ну ни хрена себе! Кого отстреливать собрался? – Маршал разлил остатки бутылки.

Пётр рюмку взял, подержал в ладонях, согревая, понюхал. Клоповник – он и в Молдавии клоповник.

– Генерал де Голль мне тут немного информации подкинул, – и Пётр рассказал Гречко примерно то же, что и Шелепину. Готовятся провокации на острове Даманском, у озера Жаланашколь в районе Джунгарских ворот и в районе посёлка Дулаты.

– Там на границе каждый день десятки провокаций, как взбесились братья по соцлагерю. Думаешь, эти будут отличаться? И снайпера тут при чём?

– Думаю. Тысячами пойдут, и с оружием. А снайпера погранцов прикроют. Там ведь горы, у этих Джунгарских ворот. Роту снайперов замаскировать – и они дивизию сдержат, – Пётр почти трезвым взглядом уставился на Гречко.

– А почему под Алма-Атой, а не сразу у этого озера?

– Думаю, там полно шпионов. Пастухов из себя изображают.

– Позвоню завтра, сообщу, чего мои умники присоветуют.

А так – считай, я согласен. В горах снайпер хороший точно взвода стоит. Ну, все – доедай шоколад, и на выход. Сейчас штабисты придут, а мне ещё умыться, да зубы почистить. А то носы начнут морщить. Вояки.

Интермеццо 3

– Горящие холодным огнём глаза, сильные и нежные руки, страстное дыхание...

– Белла Моисеевна, а ещё какие-нибудь приметы были у преступника?

Вика Цыганова сидела в самой дальней комнате и подбирала аккорды к песне группы Smokie – What Can I Do. Странная судьба у песни. Показательно, что её, безумно любимую в СССР, британский слушатель вниманием не удостоил. Её даже не выпускали синглом, не включали в сборники типа «Greatest Hits». Интересно и то, что авторство сей композиции принадлежало не «Чинничалу», а гитаристу группы – Алану Силсону. Что привлекло именно к этой композиции людей в СССР?

Все мечты о прекрасном

Уплывают навек...

И подобны они

Облакам в небесах...

Все этапы Пути

Утонули во мгле

Тёмной зябкой ночи

После знойного дня!

What can I do?

О, как мне быть?

О, как мне быть?

Текст, в отличие от большинства дебильных песен английских и американских групп, вполне нормальный. И припев хорош. Ну, их, островитян-наглов, не поймёшь.

Слова на английском Вика помнила не все – с грехом пополам только первый куплет. Папа Петя сказал – как чуть времени появится, русские стихи придумает. Такой шедевр оставлять врагу точно нельзя.

Советская кавер версия существует – «Нет, я не жду», но варившаяся всю жизнь в шоу-бизнесе Цыганова её не пела и не учила слова. Там «Весёлые ребята», мужские партии. Тем не менее, все вспомнившиеся слова Вика записала, а сейчас сидела и выуживала из памяти аккорды. Там сложный проигрыш. Вот мучила гитару.

В дверь постучали, а потом появилась мама Лия. С красными глазами. Плакала? Вика долго не могла привыкнуть, что женщина, годившаяся ей в дочери, сейчас исполняет роль её приёмной матери. Сначала просто на «Вы» называла, а потом как-то незаметно от «папа Петя» перешло – стала «мама Лия». Сказать, что у них были тёплые отношения, нельзя. Никакой вражды – вежливость. Мама Лия иногда забывала, что Маше ну очень немало лет, и за что-нибудь пыталась её отчитать. Вика улыбалась, и женщина осекалась на полуслове.

– Что случилось? – Маша-Вика отложила гитару на кровать.

– Поклянись, что Петру не скажешь.

– Ну, ничего себе. Мама Лия, ты в заговорщиков прекращай играть. Говори, что случилось? – Вика напряглась. Брежнева нет. Началось, что ли?

– Вика, не говори Петру! Давай сначала обсудим сами. Вопрос серьёзный, – и платок достаёт.

– Да что ж такое! Хорошо, не скажу. Теперь говори.

Мама Лия рассказывала, а слёзы катились из глаз. Закончила и бумажку с номером показала.

– Можно ведь номер по справочной пробить, – Вика вернула листок.

– И что это даст? Эти гады тогда отомстят.

– Ну-ка перестань реветь. Подумать надо.

– Если Пете сказать, он в КГБ побежит. Те, конечно, и охрану дадут, и дома проверят – а этот урод потом через месяц свою угрозу исполнит, – Мама Лия, взяла листок с телефоном, как жука какого – аккуратно, двумя пальцами.

– Послезавтра. А мы уезжаем на следующий день. Интересно, они знают?

– А какая разница?

– В Алма-Ате ведь нас опять найти надо будет – а это задачка. Ну, во-первых, нужно окна шторами задёрнуть и не открывать. Во-вторых, на улицу гулять с Юрой не ходите. Три дня дома посидит, тем более, погода мерзкая – холодно,

ветер. Что ещё? Нужно позвонить.

– Да ты что! Они ведь потребуют чего. Сведений каких! – Лия встала и отошла к окну, принялась задёргивать шторы.

– Сведений? Какие такие сведения вы знаете? Надои на одну корову? Сколько тонн клевера от каждой курицы-несушки будет засыпано в инкубаторы после обмолота зяби?

– Какой зяби? – мама Лия даже реветь перестала. Вот она – волшебная сила искусства.

– Мультик такой скоро снимут.

– Я серьёзно.

– В общем, я так думаю, нужно позвонить. Хуже точно не станет. По крайней мере, будем знать, чего ворогам надо. А там уж решим, поднимать на ноги милицию и КГБ – или дядя Петя с папой Петей сами справятся. Мы ведь рано утром летим, так что у наших «зарубежных партнёров» особо много времени не будет. Во сколько надо позвонить?

– Не сказал – просто позвонить с телефона-автомата.

– Вот и замечательно. Конечно, нет ничего замечательного – но зато можно позвонить часов в пять. А утром уже самолёт. У господ шпионов времени не останется.

– И что ж мне говорить? – мама Лия вертела в руках бумажку с номером.

– По обстоятельствам. Вербовать будут – ну, скажи, что подумаешь, и сразу трубку положи.

– Ох, боюсь!..

– Русские прусских всегда бивали. Наступим гадине на хвост. Нужно только этот хвост найти.

Событие десятое

В СССР были бесплатные квартиры, больницы, дома отдыха, санатории, садики, пионерские лагеря, университеты, но не хватало бананов. Слава богу, эти тёмные времена позади, и сейчас всем хватает бананов.

Сидели с Мерцем и обсуждали планы на следующий год. Совместные планы. Решили поднимать целину. А чего – Брежневу с Хрущёвым можно, Столыпину – пожалуйста. Вот тоже есть желание к светлым ликам тех, кто хотел страну накормить, присоседиться. И даже с нуля начинать не надо. Денег вбухано – мама не горюй! Теперь точечными вливаниями только до ума довести осталось. Восстановить МТС, построить агрогородки, добуриться до воды. Построить железные и автомобильные дороги. Мелочь – работы на пару пятилеток. А русское Нечерноземье пусть сдыхает окончательно.

Не получалось. Когда хочешь быстро, то всегда получится кисло. Денег не хватит. И за что в первую очередь хвататься? А там, в Кремле, уже почти принят план по вбухиванию денег в БАМ. И тогда целине полный кирдык – денег больше ни на что не останется.

Сидели, никого не трогали. Стучится Филипповна и с разбегу огорошивает:

– Пётр Миронович, звонили из Кремля – вам нужно срочно подъехать. Шелепин Александр Николаевич хочет вас видеть, – взгляд сочувствующий.

– Да нет, Тамара Филипповна, это товарищ хочет на прощанье пару советов дать и пару советов послушать. Всё нормально будет.

– Пётр машину уже ко входу подогнал.

– Спасибо.

Шелепин за четыре дня сдал. Был такой холёно-упитанный – а теперь щёки ввалились, под глазами круги. Не сильно, видно, сладок хлеб у рулевого Сверхдержавы и главара Военной Хунты.

– Садись, Пётр Миронович. Пока не уехал, хочу с тобой одну проблему обсудить. Тебя она со всех сторон касается.

Ну, помолчим, слушаем.

– Мерц Фердинанд Яковлевич тебе и вправду нужен на посту министра сельского хозяйства?

– Что, немцу нельзя быть министром? – у, сволочь.

– Да нет, – Шелепин встал и достал из шкафа за спиной толстенную папку на верёвочках. (Нужно срочно с Биком наладить производство нормальных папок и прочих органайзеров.) Заговорщик положил её на стол, но развязывать не стал. Зачем доставал?

– Очень много обращений о восстановлении Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья (АССР НП).

Твою ж! Может, зря он Шелепина ругает? Вон до чего дошло! Точно он историю повернул в другое русло. Как было на самом деле, немец Пётр Штелле знал. А было хреново, только слово матерщинное. По-советски.

Период массовой крестьянской миграции немцев в Туркестан в Российской Империи приходится на 90-е годы XIX века. Очень тонким, но неиссякаемым ручейком к концу века на территорию современного Казахстана натекло три тысячи человек. Крохи. А вот дальше... Как в сказке. Сказка только страшная. В 1939 году в Казахстане проживало уже девяносто две тысячи этнических немцев. Появились и первые немецкие поселения: Келлеровка, Петерфельд, Мариенбург, Пруггерово. И это при том, что существовала Республика немцев Поволжья. Вот теперь самая волшебная сказочка пошла – слушайте.

28 августа 1941 году была ликвидирована АССР Немцев Поволжья, и началось насильственное переселение её населения и немцев из других регионов СССР в Казахстан и Сибирь. И это еще не всё! Принятые уже после войны и даже в 60-е годы XX века нормативно-правовые акты не предусматривали возможности возвращения немецкого населения в места прежнего проживания. Всех ведь вернули, и только два народа не стали – татар крымских и немцев поволжских.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года «О снятии ограничений в правовом положении немцев и членов их семей, находящихся на спецпере-

селении» хотя и снимал некоторые ограничения, но отмечал, что немцы «не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены». В 1957 году это разрешили многим насильственно переселённым народам, были восстановлены их ликвидированные ранее автономии, однако в отношении немецкого населения этого не произошло.

Не успокоилось правительство – опять помиловали. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1964 года «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года „О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья“» лишь отменил его в части, содержащей огульные обвинения немецкого населения, но не содержал положений по восстановлению АССР-НП или другой какой-либо формы автономии, подчёркивая, что «немецкое население укоренилось по новому месту жительства на территории ряда республики, краёв и областей страны, а районы его прежнего места жительства заселены».

Одним словом – хрен вам, а не республика! А всё из-за того, что не желали власти терять огромную армию дисциплинированного населения с развитой культурой аграрного труда в районах освоения целины. Кирдык бы ей пришёл полный. Почему? Да потому, что к тому времени на севере Казахстана проживало уже больше восьмисот тысяч немцев.

Частичная реабилитация вызвала глухое недовольство неравноправным положением, которое стало приобретать активную форму – уже в 1965 году в Москву отправилась

делегация с требованием восстановить АССРНП, однако к ожидаемым результатам это не привело.

Дальше – совсем круто! В реальной истории будет принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1972 года «О снятии ограничения в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан». Указ примут – и не опубликуют. Тайный Указ. Нефиг по стране шастать! Живёшь в Краснотурьинске – и радуйся. Ах, у тебя дедушку из Крыма сослали непонятно за что? «У нас просто так не сажают». В Крыму и без тебя есть кому загорать. Ан вот на Северном-то Урале кто будет работать?

Сказка только раскочегаривается. Уж потерпите. Вернулись к проблеме немецкого населения СССР аж в 1978 году. К этому времени на территории Казахстана проживало девятьсот тысяч немцев, что составляло 6,6 % населения республики. В августе комиссия под руководством Юрия Андропова внесла в ЦК КПСС предложение об образовании немецкой автономии. Члены комиссии констатировали: «создавать немецкую автономию в Поволжье считаем нецелесообразным, так как немецкое население здесь фактически не проживает и исторических корней в этом районе не имеет...» и предложили по факту образовать автономную область на территории Казахской ССР, где в то время проживало более половины советских немцев.

И сейчас вот Шелепин решил на десять лет раньше это

сделать. Решение правильное. Почему? А потому, что СССР подписал кучу всяких договоров, конвенций и прочей ереси международной – и начался отток немецкого и еврейского населения за рубежи. Всего в реальной истории в ФРГ уедет два с половиной миллиона немцев.

Не конец ещё сказке – до середины едва дошли. Столицей автономии предлагалось сделать небольшой районный центр Ерейментау. План немецкой автономии, скорее всего, сработал бы – он уже находился на стадии воплощения, когда 16 июня 1979 года при поддержке региональной администрации и самого Кунаева прошли демонстрации, позднее известные как Целиноградские события 1979 года.

Не стоит их описывать – кто захочет, прочитает. Интеллигенция коренной национальности взбунтовалась и вышла на митинг. У них землю отбирают! Фашисты наступают! Там миллион человек компактно живёт? Пофиг. Мы снова выйдем, и будем отстаивать свои права. И вышли – ответ давайте.

Да нате вам ответ! Не будет автономии. Целых сто студентов и пара преподавателей решили судьбу миллиона. Кунаев испугался и практически своими руками всё это организовал. Правильно его застрелили – только непонятно, кто и зачем.

Пётр подождал, пока Шелепин развяжет папку и достанет то самое обращение немецких ходоков, которому не дали ход три года назад. Почитал, хмыкнул.

– То есть, вы мне для разгона подсунули этакую вот свинью: с первых же дней работы на новом месте собственно-ручно отрезать от своей епархии кусище земли и организовать там новую автономию? И главой вы уже определили Мерца? Не, Александр Николаевич, дорогой. Я сам найду человека – вернее, я его уже знаю. Земляк мой. Сделаю я вам республику. Область – не буду. Миллион человек только немцев – это больше, чем Эстония! Будет Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Северного Казахстана. Денег-то дадите?

Глава 5

Событие одиннадцатое

Парень бросил девушку, но его собака по привычке нашла её и принесла хозяину назад.

– Как зовут собаку Путина?

– Шавка Мономаха.

– Думаете, мне одному с этим справиться? Да не, согласитесь – я вообще брошу эту неподъёмную ношу и пушу всё на самотёк, – на публику работал. Конечно, не бросит. Характер такой. В обычной жизни – дурацкий. А вот при рулении чем-то – вполне себе подошёл. Пётр об этой своей «дури» знал, а ничего поделать не мог. Само наружу вылезало. Если что не получилось, то не бросал никогда. И второй раз попробует, и третий, и десятый, пока не получится. Наглядный пример из сельского хозяйства – увидел как-то на сайте садоводческом реликтовое дерево в продаже. Гинкго билоба. Купил, посадил – замёрзла. Урал ведь, а не Сочи. Снова купил, прочитал про опыт выращивания в условиях севера этого южного дерева. Посадил – зимой опять замёрзло, хоть и укрывал. Снова в интернет полез. Ничего нового. Купил

в третий раз – и осенью мысль интересная пришла в голову. А что, если с деревом поступить так же, как он с розами поступает? С ними такая морока каждый год! Выкапываешь куст, немного обрезаешь – и сажаешь в дырявое ведро старое. Поливаешь, и на следующий день опускаешь в погреб, где картошка зимой хранится. Понятно, весной в обратном порядке. В апреле, пока ещё остатки снега есть, вытаскиваешь вёдра – и в теплицу. Они начинают оживать. И когда после цветения черёмухи пересаживаешь их в землю, то уже почти цветут. Люди приходят и поражаются: розы! На Урале! В мае цветут! У других или вымерзли, или только первые ростки появились, а тут – огромные цветы. Так вот о гинкго. Посадил в ведро и отправил вместе с розами. Весной из ведра не достал – просто прикопал его, осенью – в подвал. Так два года. А потом очень аккуратно ведро разрезал, чтобы ни одного корешка с микоризой не повредить, и посадил в тенёк. Всё гадал, перезимует или нет. Перезимовало – и уже три года весной свои листья с волшебным лекарством выращивает. Растёт медленно – ну на то и реликт, живое ископаемое, дальний родственник сосны. Начинают они всегда «за упокой».

Вот и сейчас. Решил, что от тёточки не отстанет: не мытьём, так катаньем уговорит. Это – имя. Это – символ, без него дело не выгорит. Да и ей самой, хоть никогда не признается, помощь нужна – ведь тихо угасает великая поэтесса, всё у неё в жизни уже было. Не на что смотреть вперёд.

Тишков пригласил на несуществующую (пока) должность министра культуры несуществующей (но это точно ненадолго) республики Ольгу Берггольц. Не хочет – старенькая, интеллигентная. Как людьми руководить?

– Кому руководить – найдём. Главное – вести в правильном направлении и быть знаменем.

– Знаменем! Ну вы скажете.

– Скажу. Согласны?

– Можно я подумаю, посоветуюсь? – вот, уже лучше, а то «нет», да «нет».

– Ленинград жалко бросать? Я понимаю. Вся жизнь. Вот тут и закончится. А там – новые люди, подвижники. Новое дело – стресс, адреналин. Дольше проживёте, и столько полезного для народа сделаете.

– Несносный вы человек. Подумаю. Сказала же! – вот! Уже как министр говорит.

– Когда ждать ответа? – уже чуть улыбнулась. Короткая стрижка, и волосы тоненькие, и мало их. Лицо типично немецкое – длинное. Интересно, а с немцами себя отождествляет?

– А как вы вообще себе представляете развитие культуры, да ещё и немецкой, да в Казахстане?

– То есть уже планы строите – это хорошо. Как представляю? Ну, я ведь чуток министром культуры поработал. Ругают, поди, до сих пор?

– Кто ругает, кто хвалит. С борцами нашими вы лихо раз-

делались. Так как?

– Строительство библиотек, клубов, кинотеатров. Немецкий театр. Можно будет на первое время из ГДР или ФРГ режиссёров и актёров пригласить. Филиал киностудии ДЕ-ФА, у нас там снимать фильмы про индейцев – сам бог велел. Такие пейзажи! Любые горы, любые степи. Потом и наших лучших режиссёров и актёров соберём. Голливуд по-немецки с казахским уклоном. Преподавание литературы немецкой в школе. И вообще, по окончании школы человек должен свободно разговаривать на трёх языках. Издательский дом с филиалами типографий в каждом посёлке. При библиотеках – кружки юных поэтов и писателей. В каждом посёлке – художественная школа, и в городах художественные училища. Что ещё? У меня киностудия есть во Франции. Она фильмы не снимает, она дублирует лучшие наши и пускает их в прокат по всему миру. Не скажу, что огромные деньги, но очень и очень немалые. Так вот – её можно перенести в немецкую республику. Сейчас переводят на французский и английский – можно добавить немецкий и испанский, да и итальянский можно. И обязательно китайский. Там сейчас всё устаканится, и начнётся всплеск любви к русской культуре – а мы уже готовы! Одним словом, Ольга Фёдоровна, работы море. Деньги? Ну, немного пообещали, часть своих вложу, на культуру не жалко, а потом заработаем. Ещё и делиться с образованием будем.

– Фантастика какая-то! – отмахнулась обеими руками.

– Да чтоб мне провалиться на этом месте! – встретились в доме № 20 на набережной Чёрной речки. Хреново у нас будущие министры живут.

– Где вас найти, если решусь?

– Чего меня искать? Вот он я.

– Весёлый вы человек. А, была, не была! Квартиру-то дадите? Или в общежитие?

– Дом построим, горничную найдём. Собаку с кошкой подарим.

– Собаку? Тогда ладно. Если собаку.

Специально в Ленинград сгонял на «Сессне» с Гагариным. Великое всё же дело самолёт. Два часа – и по Невскому идёшь. Два часа на уговоры знамени новой республики, и два часа назад. Вот теперь ещё час – и дома. Послезавтра ведь рано утром отбывать в ссылку, хоть и почётную, а ещё куча дел. Нужно и премьера найти, и Первого Секретаря.

Интермеццо 4

Говорю, что не пью – все пытаются напоить.

Говорю, что на диете – все пытаются накормить.

Говорю, что нет денег – то ли тихо говорю, то ли хреново слышат, но не суют и не навязывают.

Георгий Карпович Цинёв стоял у входа в палату Брежнева и не решался войти. Чазов постоял рядом и отошёл к окну. Евгений Иванович сообщил, что изменений нет. Пациент в искусственной коме. Брежнев лежал не в кремлёвской больнице. Его сразу же перевезли в институт Кардиологии АМН СССР.

Стоял, думал. Брежнев был другом. Был защитником в этом гадюшнике, что зовётся «Власть». Семичастный, когда только заступил на должность главы КГБ, хотел сместить его, но Леонид Ильич доходчиво тогда объяснил «комсомольцу», что не по Сеньке шапка.

Теперь вот друга и защитника нет. Нет уже несколько дней. Приходится крутиться самому. Разные вещи – принимать решения, когда чувствуешь за спиной стену, и как сейчас – в чистом поле, и рядом некому спину прикрыть. А вокруг куча собак. Шавки, болонки, кабысдохи разные, но вон отдельно кучкуются овчарки. Чуть в сторонке – волкодавы. А кроме того – по одному, по два стоят и скалят зубы бульдо-

ги. Есть и экзотические собачки – вот как тот ньюфаундленд, он же водолаз. Холёный, здоровый. И не боится никого. Что ему! Плюнул и уехал за границу – где там таких красавцев выводят? В Канаде? Ну, в Канаду или во Францию. Везде с такой-то шерстью примут. А он тут пытается сельское хозяйство спасти. Порода такая – спасать утопающих. Тёмная собака, чёрная, как и личность этого министра. Теперь вот даже члена Политбюро. И самое интересное, что не рвётся туда, наверх. Сами пихаем! И двух лет нет, как в Москву его Брежнев перетянул, а уже вон куда занесло. И это в сорок лет. Сопляк.

Георгий Карпович отошёл к окну. Там, за чисто вымытым стеклом, был осенний лес. Зелёная хвоя сосен и елей, голые ветки берёз, осин, ясеней. Так вон, отдельно несколько жёлтых листков сохранилось. Пора бы уже и снегу выпасть – но нет. Обиделось небо на людей. Министр сетовал, что озимые вымерзнут.

Правильно ли он поступил неделю назад, что поддался на уговоры Шелепина? Теперь уже поздно думать. Тогда надо было. Думал. О том, что в аэропорту Алма-Аты застрелен Кунаев Динмухамед Ахмедович, Циневу сообщили в восемь утра. Пока выяснял подробности – звонок из Кремля. Брежнев сам позвонил, только ему хотел докладывать.

– Что известно?

– В семь...

– Подожди, давай сюда выезжай. Здесь доложишь, – труб-

ка мерзко забибикала.

Приехал, а там гонки с препятствиями. Все бегают, кричат – Брежнев плохо. Охрана никого не пускает. Прошёл – хоть его пустили. Брежнев на кушетке бледный лежит и дышит часто, но будто через силу.

– Что, Чазова вызвали? – обернулся к Черненко.

– Конечно. Сейчас будет. Нитроглицерин вон врач дал, сказал отойти всем и не беспокоить.

Отошёл, а потом и в коридор вышел. Потом приехал Евгений Иванович и сказал, что обширный инфаркт – нужно срочно везти Брежнева к нему в институт. Там оборудование.

– Надо – везите.

Забегали тараканы. Или шавки? Только увезли, как появился Косыгин, поговорил с Черненко и ушёл.

И вот тут к нему подошёл Шелепин.

– Пойдём поговорим, Георгий Карпович.

Чего не поговорить-то. Начальник бывший. Ничего плохого о нём Цинев сказать не мог – ну, разве что сильно нахраписто лез по головам наверх. Там одно место – и оно занято. Нет, команду собирал, силёнки копил. И всё ж против такого зубра-интригана, как Леонид Ильич, слабоват. Пара лет – и нет команды, всю Брежнев разогнал. Когда по одному, а вот в последний раз – так сразу целое кубло вычистил. Пока шли, генерал-полковник понял, что сейчас нужно будет делать выбор.

– Присаживайся, Георгий Карпович, – Шелепин сел не на место во главе большого стола, а сбоку на стул и показал место рядом.

– Здесь едят. Пойдём в коридор, а лучше до Царь-пушки прогуляемся.

– Твои же едят?

– Мало ли.

– Хорошо. Пойдём к Царь-пушке.

Опять дорога, и опять время подумать. Ещё не дойдя до шедевра литейца Чохова, понял, что выход один: поставить на Шелепина. Косыгин эту партию играть не будет. У него свои игры. А здесь – Подгорный и Кириленко с одной стороны, Шелепин с другой. И что Подгорный, что Кириленко, что Полянский – они все ведомые. Были Брежнев с Суловым – тянулись за ними, и тогда этот строй дубов грудью было не прошибить. Теперь нет. Чазов разговаривать не стал, но глаза прикрыл и головой мотнул: мол, ничего хорошего. Это уже второй инфаркт.

Ну, послушаем, что скажет «Железный Шурик».

– Тебя – членом Политбюро. Семичастного – вместо Шелеста. С Гречко я пять минут назад переговорил.

– Косыгин? Он по идее главный.

– К нему сейчас и пойдём. Маршала захватим и Воронова.

Пришли.

– Звонил Чазов. Брежнева ввели в искусственную кому. Даже если выживет – партией, понятно, управлять не смо-

жет. В лучшем случае – сидеть в кресле в Завидово. Или в Крыму.

– Что думаете предпринять, Алексей Николаевич? – Шелепин неопределённо развёл руками, показывая, что в Кремле. Или в стране. Косыгин, как человек практический, решил трактовать вопрос конкретнее.

– Вернуть Маленкова, это раз. Байбакова Николая Константиновича – вместо зарвавшегося Кириленко. Это два. Фурцеву с Полянским гнать на все четыре стороны. Шелеста на пенсию. Пельше тоже. Гришин пусть работает. Подгорный? Тоже остаётся. Генеральным – вижу, хочешь, аж от Чазова новостей не дожидаясь, прискакал. Вот сам и садись в эту крапиву голым задом. Мне того даром не надо – у меня работа есть, её делать надо. И не лезь ко мне с политикой партии, я сам решу, кто у меня в народном хозяйстве коммунист, а кто контра. Всё.

– Семичастного вместо Шелеста? – гнул своё «Шурик».

– Бог с ним. Кого на освободившиеся места в Политбюро?

– Цинева, Семичастного.

– Согласен. Стоп! Кунаев. Что там? – повернулся к Циневу.

– Снайпер из-за забора аэропорта. Сразу насмерть. Ушёл, винтовку бросил. Наша, – коротко доложил Георгий Карпович.

– Туда кого?

– Не думали.

– Я знаю, кого. Есть один товарищ, что надавал тебе недавно на Политбюро по сусальнику.

– Тишков! Молокосос этот! Да его в Африку. В Танзании вон посол умер от малярии.

– Его – в Казахстан и в Политбюро. Это моё условие.

– Не справится!

– Этот – точно справится. Взвоют там все, – поддержал Косыгина Цинев.

Вставил пять копеек и Воронов.

– Конечно, у него морда лица не походит на кунаевскую. Но работоспособности хоть отбавляй.

– Да он капиталист махровый! – не сдавался Шелепин.

– Вот и хорошо! Может, подымет, наконец, Целину. А то у коммунистов пока получается тяп-ляп.

– Чёрт с ним. И в Политбюро?

– Конечно.

Глава 6

Событие двенадцатое

Папа Римский решительно осудил применение пыток и заявил, что виновные в них попадут в ад, где их будут жарить на раскалённой сковороде.

Умирает Папа Римский и просит: «Моё последнее желание – хотелось бы повидать Фантомаса». Говорят: «Ну где же мы вам возьмём?» «Нет, я желаю». «Ну подождите. Может быть, вы праведника какого-нибудь хотите?» «Нет, я хочу Фантомаса». Ему приводят Фантомаса и подслушивают за дверью, что будет. И доносится тихий голос: «Да, Петька, раскидала нас с тобой судьба...»

Утром последнего дня пребывания Петра в министерстве сидели вчетвером у него в кабинете и пили чай. Гагарин, Будённый и Тамара Филипповна. Секретаря Пётр забирал с собой. Куда он без Филипповны? Но пришлось для этого предпринять целую осаду крепости, а потом и решительный штурм (это не то, о чём вы подумали!). Филипповна долго отказывала.

– Понимаю. Муж, дети в привычной школе, квартира в

Москве.

– Служебная, но в Москве.

– Тамара Филипповна, а если мужа переведут?

– Нет, его умения в Казахстане не нужны.

– Попробую. Там тепло, яблоки вкусные.

Попробовал. Мелочиться не стал, позвонил Циневу. Долго секретарь соединял – наверное, на совещание попал.

– Когда ты уже улетишь, Пётр Миронович?

– Георгий Карпович, вы...

– Давай, Пётр, уже на «ты» перейдём. Чего как графья выкаем? Я человек простой, да и у тебя не баре в родне, проверял. На брудершафт после выпьем.

– Хорошо, Георгий Карпович. У меня к тебе просьба есть.

– Давай угадаю с трёх раз: прослушку не ставить в новом кабинете?

– Два осталось, – там заржали.

– Охрану приставить в Алма-Ате к тебе и родственникам?

– И так приставите. Одна угадка осталась.

– Ну, не знаю... А, погранцов усилить!

– Ну, надо, конечно – но звоню по другому поводу.

– Проиграл. Говори уже. Времени в обрез.

– Перевезти с собой хочу секретаря своего, а у неё муж в вашем ведомстве. Майор, где работает – не знаю, но дать бы ему подполковника и отправить в Алма-Ату.

– Шифровальщику Непейвода дать подполковника и перевести в Алма-Ату.

– Я фамилию не говорил. Специально, – хмыкнул Тишков.

– Ты непростой человек. Приглядываем. По его должности не предусмотрены две звезды. Разве... – там помолчали, – ну, тебя это не касается. Хорошо, Пётр, будет Афанасию Петровичу повышение и в звании, и в должности, и перевод в тёплые места.

– Спасибо, выручил, Георгий Карпович.

– Подожди спасибкать. В ответ и от тебя кое-что попрошу, – там на минутку прикрыли трубку ладонью и рычали на кого-то. Пётр слышал, что Цинев груб с подчинёнными: и матом их кроет, и кричит, вот как сейчас. Ну, их дело. Может, в армии дисциплину кроме как криком и не привить подчинённым. Только кнут есть, пряников-то немного. – Пётр, вот какое дело, – ну вот уже и не рычит, – Смутил ты меня своими предсказаниями прорыва китайцев через Джунгарские ворота. Там всегда беспокойно. Думаю усилить там заставу – перебросить с Кавказа человек сто. Они к горам привычные. Соберу старшин и офицеров, наберём, в общем. Поможешь обустроить? Зима же.

– Даже если красный снег пойдёт. Первым делом, как приеду, организую туда отправку оцилиндрованного бревна и бригаду строителей. Ну, и другие стройматериалы. Это для офицеров. Для солдат...

– Там нет солдат, там пограничники.

– Вот как? Тогда для пограничников построю казарму по

щитовому методу. В Краснотурьинске разработана технология, ведётся производство.

– Всё. Договорились. Но смотри! Люди. Зима.

– Обещал же.

– Всё! Отбой. Дела.

– Георгий Карпович, секунду! Ещё одна маленькая просьба.

– Только быстро, тут по Кунаеву совещание.

– Можете мне подготовить список интересных немцев?

– Это про республику новую? А кто интересуется?

– Люди, которые чего-то достигли. Я вот, например, Ольгу Берггольц уговорил министром культуры поехать в новую республику. И в то же время Татьяна Пельтцер и Евгений Евтушенко мне уже не нужны.

– Евтушенко – немец? Не знал. Ну да он по моему ведомству не проходил, он всё с диссидентами заигрывает. Пусть. Хороший поэт. Ладно, считай, Пётр Миронович, я тебя понял. Артистов не надо, нужны на другие министерские посты люди. Вот видно сразу, Пётр, что ты не военный – не можешь правильные приказы отдавать. Может, тебя на сборы на месяцок призвать? У тебя какое звание?

– А то ты не знаешь, – измывается. А говорил – времени нет. Вот поиздеваться нашёл.

– Усёк. Поищем. Срок какой?

– Через час. Я завтра улетаю, – на том конце провода загугукали. Смеялись, наверное.

– Комик. Через два часа позвоню. Кого успеем, найдём. Москвичи ведь нужны, раз срочно?

– Ну, может, с кем успею переговорить.

– Теперь точно отбой – вон полная приёмная народа, сейчас дверь вышибут, – трубка забибикала.

Вот сидели. Отмечали отъезд. Просто чаем с тортиком. Ещё ведь целый суматошный день впереди.

– Юра, слушай, всё хочу тебя спросить, – Будённый перекрестился. В первый раз такое за ним Пётр наблюдал. – А ты там видел чего-нибудь эдакое?

– Бога с ангелами?

– Ну, сам сказал, – смутился древний маршал.

– Тысячу раз спрашивали. Я даже про это целую историю придумал и рассказик написал.

– И где напечатан? – поправил усы Будённый.

– Нигде. Такое не напечатают.

– Заинтриговал. Рассказывай.

Все даже чашки с чаем отставили, и куски тортов отодвинули.

– Только не скажу, правда это – или всё мои больные фантазии. А вы спрашивать и пытаться меня, засовывая иголки под ногти, не будете? – вытянул руки с аккуратно подстриженными ногтями.

– Я не буду, – первая откликнулась Филипповна.

Посмеялись.

– Хорошо. Слушайте. После того как я уже прилично вре-

мении провёл снова на земле-матушке после полёта, вызывает меня к себе Никита Сергеевич Хрущёв, закрывает за нами дверь своего кабинета – и даже на ключ запирает. Ведёт меня в дальний угол и говорит еле слышным шёпотом:

«Давно я тебя хотел спросить, Юра. Ответь мне честно, без всяких утаек: а Его Самого или Его ангелов ты там видел?»

Я тогда тоже наклонился к уху Хрущёва, и отвечаю ему тоже шёпотом:

«Видел, Никита Сергеевич...»

«Я так, бл...ь, и знал! – шепчет горестно. – Ну а теперь прошу тебя, вернее приказываю – никому и никогда не говори об этом!»

«Слушаюсь, Никита Сергеевич!» – говорю.

Проходит несколько лет. Меня тогда отправили путешествовать по Европе. Посетил я даже Ватикан, и был принят самим Римским Папой. Перед концом аудиенции Папа попросил оставить нас одних, закрыл и запер на ключ дверь кабинета. Потом взял меня под руку и отвёл в уголок. Прилип ко мне и в самое ухо шепчет:

«Ответь мне искренне, сын мой, только искренне, как на духу: а Его Самого или Его ангелов ты там лицезрел?»

Тут я вспомнил, что обещал Хрущёву, и отвечаю:

«Нет, не видел, Ваше Святейшество.»

«Я так и знал! – вздыхает горестно. – Только умоляю тебя, сын мой – никому не говори об этом!»

Гагарин сам горестно вздохнул и взял чашку.

– Что, правда видел Самого? – отвисла у Будённого челюсть. Да даже Пётр глаза выпучил.

– Договорились же – не приставать с «правдами»!

– Сволочь ты последняя! – обиделся маршал.

Событие тринадцатое

После службы в армии я понял, что учиться, учиться и учиться гораздо лучше, чем служить, служить и служить.

Позвонил генерал-полковник ровно через два часа. Вот она – немецкая точность, хотя сам не немец. Пётр даже успел подзабыть про просьбу. Составлял в голове план беседы с маршалом Жуковым. Тоже хотел забрать в свои палестины. Не немецкие, казахские. Точно ведь знает, что деньги, вбухиваемые сейчас в гражданскую оборону, пойдут прахом. Не так много этих денег, чтобы миллионами швыряться. Нужен был человек, который возглавит в республике ДОСААФ и разрушит гражданскую оборону. Все эти планы, бомбоубежища, вековые запасы окаменелых продуктов, одежды. Костюмы химзащиты, сборы, учёбы. А сколько сотрудников? Всех к чёртовой матери. Пусть работу работают. А вот ДОСААФ, наоборот, на эти деньги поднять. Понастроить тиров, аэроклубов. Вон скоро «Сессны» будут сотнями выпускать – кто на них летать будет? Да и автошкола нужна при каждой обычной школе. Сто процентов выпускников должны иметь права на три категории: А, В, С. Потом, в городах, автошколы на более высокие. И чтобы раскатать эту махину, нужна была личность, которой не сильно-то захотят перечить. Жу-

ков подходил. Старенький, конечно – ну, пару лет хотя бы. Раскрутить маховик.

Договорился, что подъедет к Жукову на квартиру через часик, и уже собирался – а тут позвонил Цинев.

– Ещё раз привет, Пётр. По Кунаеву ничего нового. Одно теперь точно можно сказать, это не одиночка. У аэропорта дежурила машина, УАЗ. Там был водитель. Ищем. И тебя там целая группа выдвигается охранять. Теперь по немцам. Пиши фамилии. Виктор Домбровский – хоккейный арбитр. Сигурд Оттович Шмидт, сын того самого Отто Шмидта – доктор наук, археолог, учёный-историк. Валерий Николаевич Брумель – олимпийский чемпион, прыжки в высоту, сейчас проходит реабилитацию в клинике Илизарова. Есть такой новатор в сращивании костей. Так, дальше... А, вот как раз для тебя. Александр Андреевич Келлер. Тренирует алма-атинский «Кайрат», футбольный клуб высшего дивизиона. Успехи средние.

Так, вот ещё один. Он на пенсии, однако жив-здоров – может, и уговоришь.

Александр Георгиевич Лорх – селекционер, доктор сельскохозяйственных наук, один из зачинателей селекции и сортоиспытания картофеля в СССР.

Академик Леонид Робертович Нейман. Этот легко возглавит министерство энергетики. Правда, он ленинградец. Хватит пока? Времени нет, извини, – вот блин! Даже «спасибо» сказать не успел.

Нда, куда только судьба немцев не забросила. Вот Домбровский – это неплохая идея. Нужно позвонить. Вообще, что с хоккеем в Казахстане? Есть усть-каменогорское «Торпедо» – и вроде всё. И оно явно не лидер. Играет в первой лиге. Всё время путается Пётр – сейчас ещё высших-то лиг нет. Ну, в общем, в будущей первой лиге. И, кажется, в высшую так и не попадёт. В Астане – Целинограде будет создан в 2000 годах клуб «Барыс» – снежный барс, и он будет играть в КХЛ. Одним словом, сейчас полный ноль. Нужны детские хоккейные школы в северных городах, а в южных нужно срочно строить ледовые дворцы. И это какой-то парадокс: в огромном городе Алма-Ате нет клуба высшей лиги. С ноября по март вполне ведь отрицательные температуры. Только создан «Автомобилист» – но это не уровень, вторая лига, почти дворовый хоккей.

На заводах не вытянуть. Нужны «Динамо» и СКА. Пообщаемся с Тарасовым, пусть подскажет несколько перспективных тренеров. По Домбровскому. Нужно предложить создать в Алма-Ате школу хоккейных арбитров. Вроде их в стране пока вообще не существует – вот будет первая.

Позвонил Тарасову. Не дозвонился, но обещали, как появится, сообщить. Ну, и поехал к маршалу победы. Тот открыл сам. На того, легендарного, похож совсем не был. Старенький, полненький дедушка с почти полным отсутствием волос. Так, небольшой седой ёжик на затылке. Пошли пить чай – какие-то женщины спроворили. Пётр рассказал свои

задумки.

– Вспомнили старика! А силы не те, ленивый стал. Мемуары пишу. Они нужны будут. Потом. Сейчас все о войне помнят – потом забудут. Изоврут всё. Другим победы припишут. В итоге окажется, что какие-нибудь французы или американцы войну выиграли, – блин, провидец.

– Есть два пути, Георгий Константинович, этому помешать. Один из них – конечно, книги. Мемуары. Фильмы правдивые. Только я думаю, что это ущербный путь.

– Это почему?! – привстал, чай расплескав. И правда: грозный маршал.

– У них денег больше и режиссеры хорошие. Снимут, что это они войну выиграли. Их фильмы смотрит весь мир. Потом будут статьи в газетах печатать. Это их газеты. Программы школьные изменят. Это их школы. Нам не справиться с ними, сидя за стеной.

Остыл, сел. Позвал женщину, что затёрла лужу. Отхлебнул чаю и ссутулился как-то.

– Сволочь ты, министр. Прямо серпом по ...цам. А ты другой путь знаешь? – но не с надеждой смотрит. Свысока.

Нет пути. Они сильней. И сильный всегда слабого задавит. Однако много денег всегда даёт преимущество. В любом споре. «С богатым не судись».

– Второй путь – непростой. Особенно теперь. Столько времени упущено! Хрущёв много наворотил. С колен вставать надо.

– Ты мне мозги не компостируй, сопляк! Говори путь! – и кулаком грохнул.

Вся посуда на полу, и оба чаем облиты.

– Надо молодёжь воспитывать. Каждое поколение. На всём воспитывать – на примерах, на фильмах, на книгах. И эти фильмы снимать надо. А ещё нужно стать сильнее. Экономiku развивать. Я вот «Сессны» начал делать, а кто летать будет? Машин и тракторов наделаем, а кто будет сидеть за рулём, кто ремонтировать? Качественно ремонтировать и качественно водить? Короче, Георгий Константинович, поехали в Казахстан. Руководить ДОСААФ и разрушать гражданскую оборону. Фильмы – моя забота. Я там хочу большую киностудию замутить. Начну с того, что попробую филиал ДЕФА организовать в Целинограде, в новой немецкой республике.

– Какой республике?

– Есть решение на севере Казахстана организовать немецкую автономию. Там сейчас компактно проживает около миллиона немцев.

– Чёрт с ними. Говоришь, ДОСААФ республики? Только летать и ездить по всему Казахстану не смогу. Годы, болячки.

– Найдём дельного помощника. Может, сами подскажете?

– Недельку мне дай на размышление.

– Улетаю завтра.

– Так лети, сокол. Телефон ещё никто не отменял. Через

неделю позвони.

Ну, хоть так.

Интермеццо 5

Купил мужик крутой айфон. Кладёт его в задний карман, прыгает в автомобиль, вдруг слышит сзади хруст:

– Бл... Хоть бы позвоночник...

На дело пошли вдвоём. Лия не хотела, но Вика настояла. Договорились так: пока она звонит, девочка прогуливается вокруг и пытается заметить слежку. Обе волновались, но Вика даже прикрикнула на Тишкову, когда та, уже перед дверью, вдруг села на пуфик и сказала, что не пойдёт.

– Нам. Нужна. Информация. И без неё мы ничего придумать не сможем. А в Алма-Ате уже всё расскажем папе Пете.

– А они ведь и туда могут приехать!

– Всё, пошли. Хватит гадать.

Вышли. Лия первой, а через минуту, осмотревшись, вышла и Маша-Вика. Оглядываясь по сторонам, мама Лия шла к стоящему метрах в ста телефону. Медленно, словно на казнь. У телефона, как всегда, была очередь. Один звонил, и двое мужчин нетерпеливо переминались с ноги на ногу у стеклянной будки. Лия подошла и пристроилась за толстячком, почти лысым, в модной болоньевой куртке. Богатый! Женщина, что находилась в будке, совсем не спешила её покидать – болтала. Очередь начала волноваться, толстячок даже подошёл и постучал жёлтой монеткой в стекло. Женщина

повернулась, махнула рукой и снова вернулась к разговору.

Вика посмотрела на это пару минут и начала осуществлять разработанный план. Она прошла от одного угла дома до другого, обогнула небольшой скверик и снова вернулась к своему подъезду. Ничего подозрительного. У входа в магазин стояли двое мужчин, но когда Вика прошла мимо, то услышала, как они ругают своих жён, которые «заскочили на минуточку». И точно: на втором круге из магазина вышли две женщины, и вся группа удалилась. Начал накрапывать дождик.

Разговорчивая тётка покинула будку, и в неё протиснулся высокий худой старичок – но, видно, не дозвонился, так как сразу вышел. Пришла очередь обладателя модного прикида – но и ему, видно не судьба была. Тоже через минуту ретировался. В будку зашла мама Лия. Она сняла трубку, протёрла её носовым платком – та ещё чистюля. Медик! Бросила двушку. Вика подошла поближе. Тишкова говорила недолго, минуты три. Вышла с непонятым выражением лица – то ли облегчение, то ли недоумение.

– Ну и чего хотели?

– Ерунда какая-то. Ничего не понимаю.

Глава 7

Событие четырнадцатое

– Скажи мне, друг мой Волька, а кто это бежит у меня в штанах и свистит?

– А вспомни, Хоттабыч, куда ты вчера послал арбитра на футболе?

Тарасов перезвонил уже под вечер, Пётр как раз со всеми попрощался, пообнимался и хотел отбывать, а тут звонок.

– Пётр Миронович, что-то срочное у вас? А то игра ведь через час, – точно. Люди ведь не только делами товарища Тишкова занимаются, они ещё и живут своей жизнью. Вот на хоккей, например, ходят. Странные люди.

– Анатолий Владимирович, я тут Казахстаном рулить уезжаю, хочу там хоккей поднять. Конкуренцию вам составить. Не подскажите фамилии тренеров, что могут согласиться на такую дурь, как отъезд в Казахстан и поднимание команды с нуля? И ещё: не знаете, как мне найти судью или арбитра, не знаю уж, как это у вас правильно называется, Домбровского?

– А сможете приехать на матч. Оба ваших дела решу, – прикрыл трубку, забубнили там, а потом и порычали. Точно занят.

- Так матч ведь – не до меня будет.
- Обе искомые величины здесь будут.
- Тогда выезжаю.

Матч был дербийный. Две московские команды и два непримиримых соперника: ЦСКА – «Динамо» (Москва). Пётр приехал, когда игра уже была в разгаре, и даже счёт армейцы успели открыть. Сел недалеко от скамейки и попытался вникнуть в игру. Не шло. Тут надо к отъезду готовиться, буквально считанные часы до самолёта – а он хоккей смотрит. Катаются, кричат, люди свистят. Как тут о важном думать? Перед самым концом первого периода Тарасов почувствовал у себя на затылке взгляд Петра и обернулся. Поднял руку в приветствии. Потом указал этой рукой на табло – полторы минуты оставалось, и тут динамовцы счёт сравняли. Вот крику-то было! Чуть не оглох.

Понурился, армейцы шли в раздевалку. Пётр отметил, что коньки у всех с высокими задниками и язычками. Не зря прогрессоровал. Анатолий Владимирович хлопнул по ладони и на ходу буркнул:

– Домбровский судит встречу, а тренер – помощником у динамовцев. Виктор Тихонов. Его тут сослать в Ригу хотят, там клуб второй лиги «Динамо». Вот туда. Ну, у тебя лапа волосатая – динамовские боссы передумают.

– Да я и сам ещё та ещё «лапа». Спасибо, товарищ Тарасов, Родина вас не забудет. Ну, дайте там им нагоняй.

– Не переживай, сейчас хвостики накручу.

Домбровского Виктора Николаевича уговаривать не пришлось.

– Школу хоккейных арбитров возглавить? А где такая?

– Нет такой.

– Тогда – конечно. Тогда – согласен.

– Вы и создадите в Алма-Ате. А я помогу. Деньги, жильё, форму. Да всё, что надо, добудем. Из НХЛ завезём.

– Деньги? – недоумённо смотрит.

– А сколько, если не секрет, вы за судейство матча получаете?

Будущий директор первой в стране школы хоккейных арбитров как-то натянуто улыбнулся и выдал:

– В судейской бригаде – за столиком, у бокса, за воротами – платят по 2 рубля за матч. Если судил в поле, то имея 1-ю категорию, получаешь 5 рублей, республиканскую категорию – 10 рублей, всесоюзную – 18 рублей. Плюс командировочные – 2 рубля 60 копеек.

– Стало быть, вон тот товарищ, – Пётр указал на здорового мужика в полосатой футболке, – получит сегодня целых четыре рубля шестьдесят копеек. Мда, немного желающих будет в школу записаться.

– Да отбою не будет! Сколько хоккеистов каждый год играть заканчивают, а с любимой игрой расставаться жаль. Наберём. Сколько нужно?

– Понятия не имею. Пятьдесят?

– Общежитие, питание, форма, зарплата?

– Конечно.

– Тогда без проблем. Да даже без всего этого, и то пятьдесят найдётся. Пётр Миронович, а можно вопрос? Почему я? Да, а почему? Фамилию Цинев назвал? Немец?

– Вы же немец?

– Интересно, а вы откуда знаете? – как-то насупился. Ну да – не любят в СССР немцев. Такая война. «Немец» на русском звучит как «враг». Фашист. И с этим придётся ещё не раз столкнуться.

– Сказали. Вот есть решение в Северном Казахстане немецкую республику создавать. Попросил фамилии заслуженных немцев подобрать – вот ваша и всплыла, – всегда в скользких ситуациях нужно говорить правду.

– Немец. Рассказать один случай из недавнего прошлого?

– Успеете?

– Короткий. В 1961 году я должен был впервые выехать в Польшу на судейство, и у нас в Челябинске был такой секретарь обкома партии по идеологии, нынешний секретарь ЦК ВЛКСМ Евгений Михайлович Тяжельников – большой поклонник хоккея. И вот когда он пришел в Москве на игру челябинского «Трактора», руководство Федерации хоккея СССР обратилось к нему, чтобы он помог меня послать в Польшу. А с ним был начальник «Трактора». Он ему сказал: «Скажи Домбровскому, что я позвоню в выездной отдел, и пусть он перезвонит такому-то товарищу, они ему помогут». И тогда Зиновий Борисович позвонил мне из Москвы,

я перезвонил в обком партии, мне сказали куда прийти. Я пришёл, тот дозвонился то ли МВД, то ли в КГБ, тоже хоккейному болельщику: мол, есть такой судья, которому завтра утром нужно ехать в Польшу, и следует дать телеграмму, что по вашей линии он может выезжать. Вот так получилось. А потом узнали, что я немец. Хватились – и я даже слышал кое от кого, что низшие ранги начали давить, а сверху говорят: «Вы проспали, теперь сами и разбирайтесь». Так что в этом плане мне повезло.

– Понятно всё. Вот и нужно сделать так, чтобы при слове «немец» в СССР не вздрагивали.

– Пётр Миронович, вы про деньги заговорили, а можете из Канады пригласить на пару месяцев человека? Заплатить ему?

– Из Канады? А что за человек?

– Там есть такой легендарный арбитр НХЛ Фрэнк Удвари. Он родом откуда-то из Югославии, а по национальности венгр, но с детства жил в Канаде. В 66 году закончил активную карьеру, вышел на пенсию. Говорят, что он вёл курсы для судей в США и Германии, а сейчас собирается в Финляндию. Вот его бы к нам и заманить, а финны переживут. Будет делиться секретами, как НХЛовских быков успокаивать. Тогда это будет настоящая школа, её даже можно будет разбить на категории – для начинающих и для международных.

– Завтра улетаю. И завтра же позвоню в Канаду. А идея

замечательная – считайте, он уже в Алма-Ате. Жду вас через недельку. Билеты и прочую ерунду оплачу. Приезжайте с намётками – обсудим и приговорим. Стоп, стоп! Вот в блокнотике запишите свои данные и этого канадского югослава венгерского происхождения, а то забуду.

С Тихоновым в этот перерыв уже не пообщались. Начался второй период.

Сидел как на иголках – что-то тревожило. Да и домой надо. Еле высидел. Кто-то кому-то забивал, чего-то болельщики прямо в ухо голосили. Ушёл с трибун, прохаживался мимо двери в динамовскую раздевалку. Затопали, тишина наступила – значит, второй период закончился. Виктора Тихонова узнал сразу, хоть и молодой совсем – лет тридцать пять. Блин, а сам-то. Старик. Сорок.

– Виктор Васильевич, можно вас на минутку?

Не получилось на минутку. Весь перерыв. Уговорил. Там команда второй лиги. Тут алма-атинский «Автомобилист» – тоже второй. Благ всяких наобещал выше крыши, и даже подполковничьи погоны.

– Горазды вы на посулы, а вот что динамовское руководство скажет? – серьёзный товарищ, за всё время разговора и не улыбнулся ни разу.

– Решу. Как нового министра назначат, так и решу. Ждите вызов через несколько дней.

– А, была не была. Чем Алма-Ата хуже Риги! – вот теперь улыбнулся.

– Лучше. Там восточное гостеприимство.

Событие пятнадцатое

– Хочу предложить вашему предприятию последнее своё изобретение. Это автомат для бритвы. Клиент опускает монеты, просовывает голову в отверстие, и две бритвы автоматически начинают его брить.

– Но ведь у каждого человека индивидуальное строение лица...

– В первый раз да!

Только переступил порог квартиры, как звонок телефонный. Да что же это! Восемь вечера! Бесконечный день позади. Кого опять нечистая принесла?

– Ало, Петья, ты в тюрьма? – Бик! Давно не виделись.

– В тюрьма!

– Тебе в тюрьма разрешьяйт звонить?

– Марсель, привет, ты же домой звонишь. Значит, я дома. Всё у меня нормально, повысили. Теперь член Политбюро и Первый секретарь ЦК компартии Казахстана.

– Ты комьюнист? – ржёт, чёрт нерусский. – У нас тут болтать, газеты пугайют, все комьюнист в тюрьма. Власть, как в Греции, полковничка. Хунта. Правда?

– Врут ваши газеты. Просто Брежнев сильно болен – инфаркт. – ну, весь расклад объяснять не стоит. Тем более, что и сам ещё не всё до конца понял – кто останется, кого куда

переведут.

– Петья, мы хотим стать богатыми?

– Богатыми? Дак, и так не бедные.

– Не, не богатий. Богатия.

– А понял. Богатеями.

– Да, богатия, – и не ржёт. Ой, чего-то будет.

– Рассказывай, богатей.

– Ми разорилья «Жильет»!

– Ну ни хрена себе. Хорошее известие. И что? – и на самом деле ведь хорошее. Фактически, в реальной истории Шик с Жиллеттом потом Бика забьют.

– «Жильет» проситься к нам. Егоние двадцать процентов, наши восемьдесят.

– Это с «Лего» и «Сессной»?

– Без.

Там, в 2000-х, The Gillette Company поглотит «Проктер энд Гэмбел». За огромное количество миллиардов. Сам Жиллетт давно разорился и помер, ещё до войны. Там совет директоров. Да и в принципе – какая разница?

– А как у них состояние заводов?

– Говорьят, что нужно новии оборудованья.

– А у нас на это деньги есть? – Блин, а ведь ему скоро точно деньги понадобятся. Столько людей сгношил.

– Немного есть. Возьмём кредит. Они через неделья будут в Париж. Давай прильетай. Подписать надо. Документ много.

– Марсель, а без меня нельзя? – ёшкин по голове, могут ведь и не выпустить.

– Нельзя. Большие деньги. Ты член совета директоров. Нельзя. Ты точно не в тюрьма?

– Хорошо, Марсель, я попробую. Ещё новости есть?

– Есть. В «Лего» ругаются. Нет новый рисунок.

Елки-палки – и забыл совсем об этой своей почётной обязанности. Чего бы придумать? А чего думать. Где сейчас были? Правильно. Хоккей. А куда едем? В Казахстан. А там чего? Отары овец и стада верблюдов. Вот это и нарисуем. Вон в самолёте два часа делать нечего будет. А потом ещё часов пятнадцать из Алма-Аты с пересадками до Парижа добираться.

– Скажи им, что прилечу с двумя комплектами новых эскизов.

– Хорошо, будут довольны.

– Марсель, дело есть. Тут летал мучался с чемоданами и сумками, таскал эту тяжесть. Представь чемодан на колёсиках. Выдвигаешь ручку, наклоняешь и катишь. Потом ручку сложил и снова обычный чемодан. Так же и у сумки, только ручка – это ляжки, просто два колёсика. Представил?

– Я представил, а ты представил, сколько нужно денег? Это ведь придётся строить новый завод, или покупать уже действующий за дорёго.

– Наверное. Главное – запатентуй и изготвь образцы к приезду директоров «Жиллетта». Покажем. Пусть осваива-

ЮГ.

– Корошо. Жду через неделья, пошёл в констрыюкторский
отдел.

Интермеццо 6

Брежнев вызвал группу космонавтов.

– Товарищи! Американцы высадились на Луне. Мы тут посоветовались и решили, что вы полетите на Солнце!

– Так сгорим ведь, Леонид Ильич!

– Не бойтесь, товарищи, партия подумала обо всем. Вы полетите ночью.

Мама Лия стояла, оглядываясь на телефонную будку. Вика дёрнула её за рукав. Какие-то сто метров надо пройти, а она вся извелась – хотелось побыстрее узнать, чего это ворогам нужно. Вообще, может, нужно было сказать Петру Мионовичу – он бы привлёк КГБ, они и того, кто на телефоне сидит, нашли бы, и этого товарища с акцентом.

Зашли в подъезд, прошли мимо вахтёра в лифт – и там, наконец, Цыганова потребовала:

– Ну, говори, чего им нужно было?

Лия Тишкова вынырнула из своих мыслей, осмотрелась. Потом нажала на кнопку их этажа и произнесла:

– Они хотят, чтобы я узнала, где сейчас режиссёр Стэнли Кубрик, и какое задание господина Тишкова он выполняет. Ты чего-нибудь понимаешь? А ещё я только вот сейчас поняла. Тот вчерашний был не иностранец. И акцент у него ненастоящий.

– Это из чего такие выводы? – Маша-Вика нажала на кнопку следующего этажа лифта, когда он остановился на их этаже.

– Акцент был, а фразы человек строил как русский. Иностранцы падежи, склонения путают, а этот только изображал акцент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.